Липецко-Елецкая епархия

Задонский паломник

№ 47 2005 г. По благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

В НОМЕРЕ:

СИМВОЛ ВЕРЫ
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
«О смерти»

«К ТЕБЕ, ОБОЛЬЩЕННЫЙ НЕСЧАСТНЫЙ РУССКИЙ НАРОД...»

ТАКИМ СВЯТИТЕЛЬ ЗАПОМНИЛСЯ...

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с Кавказским пустынником: «О молитве»

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЛИПЕЦКИЙ БЛАЖЕННЫЙ

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ
Заповеди блаженства

«ВРАЧ ОТ ПОМЫСЛОВ ВЫСОКОУМИЯ»

ЗНАМЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ ВОЗРОЖДАЕТСЯ
«Возрастала обитель и благоустраивалась»

СХИИГУМЕН МИТРОФАН
Из воспоминаний духовных чад

С ПРИЗНАНИЕМ И ЛЮБОВИЮ
Игумения Таисия Леушинская

КАК НАЧИНАЛАСЬ БИБЛИЯ

и другое...

СИМВОЛ ВЕРЫ

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь.
Память святых отцов I Вселенского Собора.
12 июня 2005 г.

Сегодня Православной Церковью прославляются святые отцы I Вселенского Собора, состоявшегося в 325 году по Рождестве Христовом. На нем было выработано краткое учение нашей православной веры, которое мы теперь постоянно везде поем и читаем — Символ веры: «*Верую во единаго Бога Отца... и во единаго Господа Иисуса Христа... и в Духа Святаго... чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века*». Некоторые конфессии старались изложить этот символ по-своему, как, допустим, католическая церковь. Она отошла, отпала, откололась от Православия. В католической церкви есть учение, называемое «filioque», в котором утверждается, что Дух Святой исходит якобы и от Сына. А по Священному Евангельскому Писанию Дух Святой исходит к нам от Отца **через** Сына, но не **от** Сына. Были и другие заблуждения, разные ложные еретические учения, опровергнутые на I Вселенском Соборе. Поэтому наша Церковь и называется Кафолической: от слова «кафал» — чистый. Православная Церковь до сего времени соблюдает в чистоте свою веру. Вот почему так важен Символ веры. Если мы не сохраняем его, то нет нам возможности спастись в будущем веке.

Еще один немаловажный штрих. Абитуриенту, поступающему в семинарию, предлагают прочитать Символ веры. Он начинает: «Верую во единаго Бога Отца...». Ему говорят: «Не так, неправильно». Он опять начинает: «Верую во единаго Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли...», — снова

неверно. Говорят: «Читай заново». И он в который раз начинает: «Верую...», — до тех пор, пока не догадается, в чем дело, или же кто-то подскажет. Скажут: «Ты не готов для семинарии. При словах «верую во единаго Бога Отца» налагают на себя крестное знамение — вот тогда мы исповедуем Символ веры по-настоящему, по христианскому учению».

Поем ли мы здесь, в храме, Символ веры или читаем его дома — при произнесении слов: «*Верую во единаго Бога Отца... и во единаго Господа Иисуса Христа... и в Духа Святаго...*», — каждый раз мы должны наложить на себя крестное знамение — только тогда мы действительно прочитали христианский Символ веры...

В настоящее время в нашей жизни появился другой символ веры — символ компьютеризации, электроники, кибернетики, называемый сетью. В Интернете вы найдете даже информацию о епархиях, храмах, монастырях и священнослужителях: «Разве это плохо? Разве там магия? Там все православное!...» Сейчас через Интернет, не выходя из комнаты, из дома, можно исповедаться! Это разве не символ современной веры, когда мы буквально живем электроникой?

И мы возлюбили этот символ более, нежели наш православный Символ веры. Да, мы помним еще слова «чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века». Но в конечном итоге и эти остатки веры иссякнут у человека — так говорят святые отцы. Преподобный Серафим Саровский предсказал, что будет отвергнут самый главный догмат — о спасении и воскресении...

Сейчас по телевидению объявляют: «К 2007 году будут электронные заграничные паспорта с микрочипом и отпечатками пальцев». Сначала заграничные, потом введут и отечественные. Говорили об этих паспортах еще в конце семидесятых годов: что паспорт будет электронный, на нем разместится все

досье и документы человека — и сберкнижка, и права на вождение автомобиля, и полисы, медицинский и страховой, и пин-код, чтобы получить из банкомата деньги, и т.д. и т.п. Некоторые верили, некоторые сомневались, а сейчас это все уже многократно показывают по телевидению.

Теперь нам объявляют, что будут электронные деньги. Мол, те, кто пожелает, может продолжать пользоваться денежными купюрами, а кто захочет — электронными деньгами, электронной карточкой. Но это только на первых порах — «кто пожелает». Старцы говорили, что первоначально будет убеждение, потом принуждение, а потом и гонение. Сейчас золотой век для нашей православной веры — нас никто не трогает. Нам пока показывают. Некоторых же начали убеждать: «Как ты можешь работать в налоговой инспекции, не имея ИНН?» Или депутатам Госдумы поставили в удостоверения микрочип, без которого они не могут войти в здание Госдумы. Это — убеждение.

Мы строим планы на будущее, рассчитываем еще пожить, а святые отцы просили и молились: «Господи, не дай нам дожить до того времени, когда начнется распространение печати антихриста!» Но до сознания большинства еще не дошло, что великая опасность идет к нам, настанет страшное, лютое время. Люди будут искать ответы на все вопросы и не находить...

Мы постоянно говорим об этом — с амвона, на исповеди, на проповедях. Но мы не сможем остановить колесо истории, оно сомнет нас, раздавит, нас уберут для того, чтобы мы не мешали внедрению электронной сети в жизнь человека. А человек станет неразрывен с нею, он будет жить только ею, без нее он умрет с голода — ему не дадут возможности жить на земле, не дадут работы,

не дадут средств к существованию. Некоторые думают: «Мы продадим квартиру в городе, купим домик где-то в селе, будем заниматься землей, кормиться от нее и тем жить», — но так можно лишь на какое-то время отсрочить принятие печати антихриста, ведь везде и всюду будут стараться одновременно внедрить компьютерную сеть в человеческое общество. И каждое хозяйство, каждое село будет выполнять директиву города. Вы читали, а некоторые даже помнят, что после революции были агитпункты и агитаторы. Что было с теми, кто не захотел принимать советский паспорт, не захотел идти голосовать или принимать советскую власть? Миллионы людей сгноили в ГУЛАГах, тюрьмах, лагерях. Россия у нас обширная и местами очень пустынная — к примеру, весь Дальний Восток свободен. Нас будут поглощать, убивать, растирать в порошок, чтобы мы не мешали пришествию антихриста. Поэтому наша жизнь не должна проходить в развлечениях, неге, в ничегонеделании и безделье. Нет, мы должны ходить в храм, а потом как миссионеры и другим сообщать, что там услышали. Жизнь наша должна быть сейчас в полной нагрузке приобретения добрых дел и молитве. У святых отцов спрашивали: «Как избежать антихриста?» Они ответили: «Если кто будет постоянно творить Иисусову молитву, тот увидит и пришествие печати антихристовой, и пришествие антихриста».

Но вы знаете, что очень трудно творить Иисусову молитву. Если уж в монастырях почти никто не творит ее, то тем более — в миру. А молитва такая краткая: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» или «...грешную». Или же: «...помилуй нас грешных», — если молимся за всю семью. А молиться нужно, вероятно, за всех.

Благодаря святым отцам мы знаем, как избежать порабощения диавольского, порабощения электронного, как избежать антихристовой печати. Печать эта будет ставиться микрочипом — это такой маленький элемент, пластинка, с нанесенным на ней цифровым именем человека. Пластину эту вживят в тело и тем самым отнимут у человека свободную волю. А что это значит? Свободной волей я исповедую Бога — Господа нашего Иисуса Христа. Если отнять у меня свободную волю, то кого прикажут мне исповедовать, того я и буду исповедовать, кого прикажут похулить, того я и буду хулить. Прикажут хулить Христа — я не смогу ничего сделать, как только хулить. Прикажут

принять антихриста, как бога, первосвященника и царя — и я буду его так принимать. Вот что значит маленький микрочип! Как он будет воздействовать на человека!

Апробирование этой системы уже идет, дорогие. Сейчас микрочип по-разному испытывают и внедряют. Сначала проверяют на животных, в частности, на собаках. Потом будут ставить работникам силовых структур, МЧС и т.п. Например, человек погиб на пожаре — через микрочип можно опознать тело. В Англии люди берут микрочипы по желанию — чтобы отслеживали состояние их здоровья: где они находятся, когда питаются, сколько спят. Могут отследить, сколько человек зарабатывает денег, где он их получает и т.д. Вся эта информация будет идти через спутник и наши мобильные телефоны, которые сегодня есть почти у каждого...

Электронная сеть все более затягивает нас, но мы не в силах от нее отказаться. Если, к примеру, убрать электричество — это катастрофа для человека. Вы помните, что было в Москве во время аварии на подстанции — воды нет, канализация не работает, все движение жизни приостановилось. «Все, конец света!» — так и писали об этом в газетах. Отбери у нас сейчас электричество — мы сами через некоторое время прибежим, скажем: «Мы на все согласны — только дайте нам электроэнергию!» Точно так же немыслимо отобрать сейчас у человека мобильный телефон — он уже к нему привык и без него жить никак не может, потому что по телефону он управляет производством, разными предприятиями, общается с людьми, находящимися от него за многие километры.

Святые отцы говорят: когда микрочипы начнут вживлять в тело, некоторые одумаются — они возьмут и выковырнут его из-под кожи. Это будет очень легко и не больно. Но потом они покроются струпьями — такими зловонными и болезненными, что сами прибегут и будут просить: «Делайте все, что угодно, только поставьте мне микрочип обратно — я так болею!»

Дорогие, мы сегодня не видим и не подозреваем, что через эту компьютерную электронную сеть мы будем порабощены. Да, сейчас эта сеть помогает нам в жизни, улучшает условия существования, дает очень много знаний и сведений. Но мы оставили веру в Бога, *чаяние воскресения мертвых и жизни будущаго века* — мы веруем в электронный мир, живем этим виртуальным миром и не хотим его терять ради Бога. И этот самый электронный мир является нашим символом жизни в настоящее время.

На I Вселенском Соборе, когда Арий похулил Пресвятую Богородицу (так называемая арианская ересь), святитель Николай подошел и ударил его по щеке. А в настоящее время не только Матерь Божию мы хулим электроникой, но и Спасителя, святых угодников... Сейчас нет такого человека, который бы поднялся и пошел против всей этой системы, потому что его тут же уберут — и не тайное мировое правительство, а простой народ, потому что он будет мешать им жить в удовольствиях и комфорте. Как вы помните из Священного Писания, во времена антихриста придут пророк Илия и праведный Енох. Они будут проповедовать везде: на площадях и в храмах, будут говорить: «Люди, кого вы приняли за Бога?! Кто стал вам отцом родным?! Это же антихрист!» Они будут стараться всем открыть глаза на то, кто управляет миром, объяснить, кому поклоняется человечество. Но антихрист убьет этих двух праведников за то, что они говорили людям правду, и народ с облегчением вздохнет: «Наконец-то мы избавились от этих мучителей! Они просто задавили нас своими проповедями!»

Помните: нам всем осталось жить совсем немного. Хорошо, если человек понимает, что жизнь его сокращается и время бытия уходит в вечность, если он приобретает что-то нужное для своего оправдания в будущем веке — это значит, что он живет благодатной, Богом данной ему жизнью. Это — человек православный, человек, который, действительно, соблюдает Символ веры, живет им и идет им ко спасению. Аминь.

Святитель Тихон Задонский

Краткие нравоучительные слова

слово десятое

О смерти

«Человекам положено однажды умереть» (Евр. 9, 27).

Смерть сильна подвигнуть к покаянию. Смерть нам известна и неизвестна. Известна, так как все умрем, а неизвестна, потому что не знаем, когда, как и где умрем. Чем больше живем, тем больше сокращается наша жизнь, и уменьшаются дни наши, и мы приближаемся к смерти, и уже сегодня ближе к ней, нежели вчера были, и в этот час, нежели час назад. Смерть за каждым невидимо ходит и восхищает его тогда, когда он не ждет. Почти все люди, а особенно здоровые и крепкие, мечтают так, помышляя в себе: я еще поживу, невидна еще кончина моя, соберу и буду насыщаться собранными благами. Но тут неожиданно нападает на него смерть, и тогда *погибают все* мечтания и *помышления его* (Пс. 145, 4). Скоро умирает тот, который обещал себе долгую жизнь. Кто хотел собирать и богатеть, оставляет и мир и в мире тело свое. Так неизвестна нам кончина, христиане. Человеколюбивый Бог, имея о нас попечение, сделал для нас неизвестной кончину нашу, чтобы мы всегда к ней были готовы и пребывали в истинном покаянии.

С чем человек от этого мира изыдет, с тем явится и на суде Христовом. Грешники! Рассудим прилежно об этом и покаемся, дабы с грехами нашими не отойти на тот век и на Страшном Суде не явиться. Бог милосердный обещал нам благодать и милость Свою явить, но завтрашнего дня не обещал. Будем же тщательно внимать сему и воспрянем от сна, и, помня о смерти нашей, исправим себя и подготовим к исходу, дабы блаженно скончаться. *Блаженны мертвые, умирающие в Господе* (Откр. 14, 13). Тот умирает в Господе, кто в покаянии и вере, и истинной молитве умирает. Страшен для всех час тот. Все святые, взирая на тот час, плакали и так человеколюбивого Бога умилостивляли, дабы избавил их в тот. Удивительно, что святые, смотря на час тот, плачут, а грешники не плачут, хотя и каждый день видят, как умирают братья их.

Грешники бедные! Почему мы спим? Вот, диавол, как вор, крадет спасение наше. Запечатлеем же в памяти нашей час тот и будем готовы. От смертного часа будет человек или вечно блажен, или вечно беден. Тут всякому отворяются двери к вечности, и пойдет он или в счастливую, или в несчастливую вечность. С этого момента начинает человек или вечно жить, или вечно умирать. Где ныне жившие до нас и в роскоши, и сластях, и нераскаянии пребывавшие? Отошли от мира этого и все свои утехи оставили, и пребывают в своих местах, и последнего суда ожидают, где по делам своим сполна воспримут. Поэтому, пока еще не пришел к нам час сей, обратимся чистым сердцем к Богу нашему и с Ним покаянием и верой примиримся, дабы вечную жизнь получить. Об этом увещевают и молят нас святые апостолы в своих писаниях: *От имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом. Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом* (2 Кор. 5, 20-21). Аминь.

"К тебе, обольщенный, несчастный русский народ..."

Пастырские послания Святейшего Патриарха Тихона обладают тем особым свойством, которое присуще пророческому богодухновенному слову: оно живо и действенно не только для современников автора, но и для всей Церкви во все времена.

...Успех борьбы со злом измеряется не внешней победой, а лишь стоянием в истине до конца. Патриарх Тихон не уповал на внешний успех. Такое упование – мысль не христианская. «Претерпевый до конца, той спасен будет» (Мк. 13, 13). Следуя этому терпению, заповеданному святым Патриархом, стяжал терпение и русский народ, который и спасается, как мы видим из истории, совершенством терпения и стояния за истину Православия. Это – удел России, это тот самый крест, который был возложен на нас тысячу лет назад...

Смиренный ТИХОН,
Божиею милостию Патриарх Московский и всея России,
всем верным чадам Православной Российской Церкви

Возлюбленные и о Господе братие и чада!

Долг архипастырской любви, объемлющей болезни и скорби всего православного народа русского, повелевает Нам снова обратить к вам Наше отеческое слово.

Вместе с вами Мы страждем сердцем при виде непрекращающихся бедствий в нашем Отечестве; вместе с вами молим Господа о том, чтобы Он укротил Свой гнев, доныне поядающий землю нашу.

Еще продолжается на Руси эта страшная и томительная ночь, и не видно в ней радостного рассвета. Изнемогает наша Родина в тяжких муках, и нет врача, исцеляющего ее.

Где же причина этой длительной болезни, повергающей одних в уныние, других – в отчаяние?

Вопросите вашу православную совесть, и в ней найдете ответ на этот мучительный вопрос.

Грех, тяготеющий над нами, – скажет она вам, – вот сокровенный корень нашей болезни, вот источник всех наших бед и злоключений.

Грех растлил нашу землю, расслабил духовную и телесную мощь русских людей. Грех сделал то, что Господь, по слову пророка, отнял у нас посох и трость, и всякое подкрепление хлебом, и храброго вождя и воина, судью и пророка, и прозорливца, и старца (см. Ис. 3, 1-2).

Грех помрачил наш народный разум, и вот мы ощупью ходим во тьме, без света, и шатаемся, как пьяные (см. Иов 12, 25).

Грех разжег повсюду пламень страстей, вражду и злобу, и брат восстал на брата, тюрьмы наполнились узниками, земля упивается неповинною кровью, проливаемою братскою рукою, оскверняется насилием, грабежами, блудом и всякою нечистотою.

Из того же ядовитого источника греха вышел великий соблазн чувственных земных благ, которыми и прельстился наш народ, забыв об едином на потребу.

Мы не отвергли этого искушения, как отверг его Христос Спаситель в пустыне. Мы захотели создать рай на земле, но без Бога и Его святых заветов. Бог же поругаем не бывает. И вот мы алчем, жаждем и наготуем в земле, благословенной обильными дарами природы, и печать проклятия легла на самый народный труд и на все начинания рук наших.

Грех, тяжкий, нераскаянный грех, вызвал сатану из бездны, изрыгающего ныне хулу на Господа и Христа Его и воздвигающего открытое гонение на Церковь.

О, кто даст очам нашим источники слез, чтобы оплакать все бедствия, порожденные нашими всенародными грехами и беззакониями – помрачение славы и красоты нашего Отечества, обнищание земли, оскудение духа, разорение градов и весей, поругание храмов и святынь и все это потрясающее самоистребление великого народа, которое сделало его ужасом и позором для всего мира.

Где же ты, некогда могучий и державный, русский православный народ? Неужели ты совсем изжил свою силу? Как исполин, ты великодушный и радостный, совершал свой великий, указанный тебе свыше путь, благовествуя всем мир, любовь и правду.

И вот, ныне ты лежишь, поверженный в прах, попираемый твоими врагами, сгорая в пламени греха, страстей и братоубийственной злобы.

Неужели ты не возродишься духовно и не восстанешь снова в силе и славе своей?

Неужели Господь навсегда закрыл для тебя источники жизни, погасил твои творческие силы, чтобы посечь тебя, как безплодную смоковницу?

О, да не будет сего. Одна мысль об этом повергает Нас в трепет.

Плачьте же, дорогие братие и чада, оставшиеся верными Церкви и Родине, плачьте о великих грехах вашего Отечества, пока оно не погибло до конца. Плачьте о себе самих и о тех, кто по ожесточению сердца не имеет благодати слез. Богатые и бедные, ученые и простецы, старцы и юноши, девы и младенцы, соединитесь все вместе, облекитесь, подобно ниневитянам, во вретище и умоляйте милосердие Божие о помиловании и спасении России.

Наступающие дни святого Успенского поста особенно благоприятны для этого. Посему Мы и назначаем их для нарочитого всенародного молитвенно-покаянного подвига.

Когда услышите печальный звон церковных колоколов, знайте, что настало время покаяния. Отложите тогда житейские заботы и попечения и спешите в Божии храмы, чтобы восплакать пред Господом о грехах своих, чтобы восскорбеть печалию вашею пред лицом нашей Заступницы Усердной и всем сонмом великих угодников Божиих.

Пусть каждый из вас попытается очистить свою совесть пред духовным отцом и укрепиться приобщением Животворящего Тела и Крови Христовых. Да омоется вся Русская земля, как живительной росой, слезами покаяния и да процветает снова плодами духа.

Господи Человеколюбче! Приими очистительную жертву кающихся перед Тобою людей Твоих, отыми от нас дух малодушия и уныния и духом владычним, духом силы и крепости утверди нас.

Воссияй в сердцах наших свет Твоего разума и посети виноград Свой и соверши и, его же насади десница Твоя. Аминь.

Тихон,
Патриарх Московский и Всея России

26 июля 1918 г., Москва.

Таким святитель запомнился...

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей «Задонского паломника» рассказ о святителе Тихоне, чудотворце Задонском, записанный, предположительно, в начале 1880-х годов со слов священника Иоанна Кириллова. В основе его – воспоминания дедушки отца Иоанна, близко знавшего святителя. Впервые данное сообщение опубликовано было в Воронежских епархиальных ведомостях (1888, № 15, часть неофициальны, с. 761-765)), со временем ставших библиографической редкостью, а потому, до недавнего времени, оставалось в забвении. Но вот в 2004 году сообщение о. Иоанна Кириллова были вновь переиздано в составе сборника «Святитель Тихон Задонский. Избранные труды. Письма. Материалы», подготовленного Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом.

От прошло уже почти тридцать лет со времени открытия мощей святителя Тихона Задонского, а со дня блаженной кончины его прошло более ста лет († 1783), и во все это время русский народ, полный благоговения к чудному угоднику Божию, идет почти не прерывающейся вереницею со всех концов православной России на поклонение нетленным мощам святителя Тихона. А я, доживший почти до семидесятилетнего возраста, не позаботился рассказать христианскому миру о тех событиях из жизни святителя, про которые в долгие часы зимних ночей, сидя за плетением лаптей, рассказывал мой дед (Аристарх Алексеевич, проживший на свете более семидесяти пяти лет[1]) моему отцу и вообще всему семейству своему с таким радостным и полным глубокого и благоговейного удивления к святости жизни святителя Божия настроением. Правда, я тогда был ребенком 7-8 лет, когда происходили эти рассказы, и по причине ребяческой рассеянности, а чаще – по непониманию того, о чем было говорено, многое прошло мимо ушей. Тем не менее тяжелый укор совести моей побуждает меня рассказать и то немногое, что еще держится в моей памяти.

Семейство моих предков сделалось известным святителю Тихону в то время, когда он (святитель) переселился на покой в Задонский монастырь из Толшевского, воздух которого оказал вредное влияние на здоровье Его Преосвященства. Однажды святитель, находясь в саду, в настоящее время принадлежащем монастырю, в час своей прогулки и уединенного богомыслия, услышал голосбу (громкий плач) женщины и послал своего служителя, по имени Сергеюшка (так обыкновенно называл его святитель), с приказанием узнать – кто плачет и о чем? Посланный, возвратившись, доложил, что голосила вдовая дьячиха, несколько дней тому назад похоронившая своего мужа, у которой осталась на руках семья без средств к существованию. Святитель тогда сказал: «Позови ее ко мне». В то время другой церкви в г. Задонске не было, и для совершения приход-

[1] В должности пономаря и без стихаря.

ских треб отведен был придел св. Евсевия Самосатского в соборном храме монастыря. Поэтому и причт города Задонска селился близ монастыря, поэтому же и дом прабабки Ак. Иг. стоял на юго-восточном углу относительно монастыря, в расстоянии от ограды на двадцать саженей, как раз над Тешевкою (Тешевка – это очень глубокий яр, летом без воды и замечательный по количеству и быстроте воды в весеннее время, когда снег тает). Пришедшая старушка крайне была поражена милостивыми словами и снисходительностию святителя, облеченного недоступным по величию и святости святительским саном. Как умела, она рассказала о своей горькой доле словами, полными сердечной горечи, захлебываясь горькими слезами. Святитель Тихон ободрил и утешил ее своим милостивым обращением и материальною помощию и, отпуская, приказал привести к нему своего меньшего сына-сироту, наперед узнав, что он не знает грамоты, а между тем ему было от роду около тринадцати лет. Сирота этот – мой дед, по имени Аристарх, остававшийся потом в монастыре под личным наблюдением святителя. Обучившись грамоте, он отправлял в монастыре должность чтеца и певца на клиросе.

Угодник Божий святитель Тихон, отдававший все бедным и нуждающимся, заботился и о пропитании семейства этой бедной вдовы Ак. Иг. Однажды недели за две до праздника Пасхи святитель Тихон приказал позвать себе старуху (Ак. Иг.), и когда она появилась, тогда он спросил у ней:

– Старуха! Есть у тебя чем разговеться на праздник?

– Есть, кормилец, хлебушка.

– А корова есть у тебя?

– Нет.

– Ну поди, да купи себе корову на ярмарке.

Через неделю является старуха к святителю, и когда доложили о ее приходе, то святитель, вышед в переднюю, спросил у ней:

– Ну, старуха, что ты пришла, корову купила?

– Купила, кормилец.

– Что же заплатила?

Та повалилась к ногам святителя и сказала:

– Ох, кормилец! Страшно сказать, добре много.

– Ну сколько же?

Наконец она выговорила:

– Полтора рубля.

Святитель выдал ей эти деньги.

Когда же мой дед Аристарх делался возмужалым юношею, то святитель Тихон предложил ему такой вопрос: «Малец (любимое слово святителя), как ты думаешь? Останешься с нами в монастыре,

или пойдешь в мир»? Малец ответил: «Хочу в мир, владыка святый». Тогда св. Тихон исходатайствовал ему причетническое место в селе Ливенка Елецкого уезда ныне Орловской губ., потом он был переведен в село Уткино к Архангельской церкви, в четырех верстах от Задонска. Святитель Тихон, когда отпускал от себя моего деда на приход, то дал ему 10 руб. денег, сказав при этом: «За эти деньги ты купи себе избу, и когда разживешься, то впоследствии отдай 10 руб. в церковь Михаила Архангела; если же не будет у тебя денег и тебе нечем будет отдать, тогда Бог с тобою, я прощаю тебя». За деньги, святителем данные, дед мой купил избу, срубленную из дубовых колотых на две половины бревен, 9 и 10 четвертей в окружности. В этой избе прожил свой век мой дед, мой отец и я жил в ней до того времени, когда отдали меня в училище; я хорошо помню и огромные бугры, и глубокие впадины в стенах от неровно расколовшихся дерев, отполировавшихся от топки по-черному в блестящий цвет черного воронова крыла.

Пример святой жизни и наставления святителя воспитали в душе Аристарха истинно христианское смирение и кротость, выразившиеся в том, что он, считая себя недостойным, не решался просить стихаря, даже тогда, когда по указу Императрицы Екатерины Второй велено было брать в солдаты всех церковников и безстихарных причетников. Когда благочинный посылал его в епархиальный город за получением стихаря, говоря, что если не получит стихаря, то угодит под красную шапку, то дед мой отвечал: «Что будет, то будет. Я не могу понести иго сие». А какое безграничное благоговение к памяти св. Тихона питал мой дед, можно видеть из того, что он, будучи в преклонных летах, до самой кончины своей, находясь за штатом, каждый воскресный и праздничный день ходил в монастырь (четырехверстное расстояние) ко всенощной и к обедни, не надевая ни шапки, ни рукавиц во всякое время года во всякую погоду. И когда по этому поводу делали ему замечание, он отвечал: «Как я осмелюсь надеть шапку, когда там (в монастыре) почивает мой благодетель и отец?»

Я слышал от деда своего рассказ и о том, как свт. Тихон принимал приходивших к нему славить Христа в день Рождества Христова. Обыкновенно на столе становилось несколько отдельных кучек в 25 коп. старинными большими пятаками. Приходящие поздравляли святителя с праздником и затем каждый проситель брал сам одну кучку пятаков со стола – кто бы ни был – протоиерей или иерей, или диакон, или даже не посвященный во священный сан и уходил.

В конце этих воспоминаний моих да будет позволено мне сказать и о том, что упоминаемые в жизнеописании свт. Тихона два причетника, отданные в военную службу и возвращенные по ходатайству святителя на прежние причетнические должности, были старшие дети Ак. Иг. и, следовательно, братья моего деда. Старшего из них звали Стефаном. Он был дед известному своим умом и кротостию всей Воронежской епархии, служившему более тридцати лет членом Воронежской духовной консистории протоиерею Михаилу Ивановичу Донецкому.

Для сокровища драгоценного

...Драгоценное сокровище должно сохраняться в драгоценном ковчеге. А потому мысль об устроении должным образом места упокоения святителя Тихона занимала многих еще до официального открытия мощей.

Особенно же актуальным стало решение этого вопроса после 13 августа 1861 года. Тем более, что именно в тот день была заложена солидная финансовая основа будущего великолепия. Один из жителей Екатеринославской губернии, купец Савва Михайлович Хритко,

Рака с мощами святителя Тихона в Задонском монастыре. Гравюра второй половины XIX в.

вдохновленный увиденным, пришел к настоятелю Богородицкого монастыря архимандриту Димитрию и вручил ему свою жертву на устройство раки святителю Тихону – 16 тысяч рублей. Тогда же крупные пожертвования на сооружение драгоценной раки угоднику Божию сделали елецкие его почитатели, свято хранившие память о благоволении святителя Тихона к этому богомольному, обильному церквами городу.

Были, как сказано в одном из старых изданий, «и другие усердствующие». Инициатива «церковной полноты» нашла поддержку в церковной иерархии.

Архиепископ Воронежский Иосиф, узнав о начавшемся сборе пожертвований, не только одобрил благое начинание, но и выразил желание принять прямое участие в устройстве раки и балдахина, возглавив проект, не без основания предполагая, что в этом случае сбор средств пойдет успешнее, учитывая так называемый «административный ресурс». Столь живое участие правящего архиерея в деле, которое ельчане считали своим, вызвало определенное с их стороны неудовольствие. Причем, настолько явное, что 24 октября 1862 года растерявшийся владыка Иосиф, вновь, как и в случае с прошением об открытии мощей, вынужден был обратиться за советом к митрополиту Московскому Филарету.

Ответ мудрого святителя известен благодаря изданной в 1871 году переписке его с архиепископом Воронежским. «Позвольте моему слову вмешаться в ваше дело, – отвечал московский митрополит воронежскому архиепископу. – Мое слово не воспрепятствует вашему делу идти, как вам угодно будет. Но может быть, не излишне знать вам то, что хочу сказать. Елецкие граждане усердствуют устроить раку Святителю Тихону. Вы, или настоятель, хотите, чтобы они дали деньги в ваше распоряжение. Люди говорят, что это для того, чтобы собрать больше денег. Это, если справедливо, не лучшее направление дела. Святителю угодно усердие, а не множество денег, усильно собранных. Усердие Елецких граждан очевидно, и они имеют особенное право принести дар свой святителю, который благоволительно приближался к их городу. Вы возражаете, что ваш проект уже был пред очами Государыни Императрицы. Елецкие граждане отвечают, что и их проект удостоен того же внимания. Теперь им предлагают написать письмо к Ея Величеству. Если сие случится, может открыться спор, котораго некоторые черты представлются неблаговидными светлым очам. Рассудите, не лучше ли согласиться с желанием Елецких граждан».

Архиепископ Иосиф смиренно внял аргументам столь авторитетного судии, и это примирило спорящих, погасив нарождавшийся было конфликт.

В итоге, благодаря щедрым жертвам и согласию, воцарившемуся среди жертвователей, уже в скором времени устроена была святителю Тихону дорогая и великолепная рака с балдахином. В частности, на сооружение раки и сени пожертвованы были изрядные суммы царствующей фамилией: «Императорскими Величествами» – 3000 руб., «Их Высочествами» – 1000 руб. Основательным взносом из личных средств поддержал благое начинание настоятель Задонского Богородицкого монастыря архимандрит Димитрий, внесший 5000 руб.

По словам очевидца, рака представляла собой ***«памятник, воздвигнутый святителю Тихону... любовью и религиозным усердием всего нашего православного народа. Памятник колоссален, как колоссально усердие, его воздвигавшее»***. Сегодня остается довольствоваться лишь изображениями да описаниями этого, не пережившего «помощь голодающим Поволжья», произведения ювелиров и чеканщиков знаменитой на всю Россию фирмы «золотых и серебряных дел мастера» Ф. А. Верховцева. Мастера Верховцева славились умением «вызывать краски из металла и подбирать их под безчисленныя тени посредством искуснаго сочетания разных оттенков глади и мата, даваемых серебром и золотом». И рака святителя Тихона была «самым разительным доказательством такого умения».

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 14

Из воспоминаний рабы Божией Параскевы (в монашестве Михаилы)

Жила я в городе, а в храм ездила в село Троицкое. Почти сразу же местные прихожане выбрали меня старостой. Я отказывалась: «Не буду! Зачем мне это нужно?!» – однако, уговорили, и я все-таки согласилась. Трудилась я честно, добросовестно. Зарплаты церковной не получала – когда меня Господь на это служение призвал, сразу решила: «Господи, коль Ты меня призвал трудиться в храме, я буду на свои копейки с пенсии жить и безплатно на храм работать». Единственное – когда дома уж совсем денег не было, батюшка иногда мне с молебна мелочь какую-нибудь на автобус давал, чтобы доехать до дома и обратно. Бывало, хожу с тарелкой во время службы: «Жертвуйте на ремонт храма», – и реву, так как сама ни копейки туда не могу положить...

Но, с другой стороны, гордости во мне было через край. Хоть и старостой работала, а жизни духовной еще совсем не понимала: только-только из мира пришла – и сразу в храм на руководящий пост!..

Вдруг начали к нам в храм приезжать чада отца Виталия – Батюшка сам их к нам благословлял: то мать Мария приедет, то мать Параскева, то еще кто-нибудь из Тбилиси. И хотя в нашем храме работала раба Божия Екатерина, родственница матушки Марии (нынешней схиигумении Серафимы), для меня все равно было странно: приезжают зачем-то какие-то люди, которые к нашему храму никакого отношения не имеют – ни прихожане, ни благодетели... Непонятно. Наведывались они раза два в год.

А Батюшке Виталию от наших прихожан, оказывается, шли письма про меня: «Кого старостой поставили? Кацапку эту? Вот она оберет церковь и уйдет от нас!» – до меня после слухи дошли, что такое недовольство было. Только в письмах писали еще грубее. И вот однажды приходит в храм один наш прихожанин, в руках у него длинненькая записочка, а руки дрожат. И говорит: «Мать Параскева, ты прочитай, – а в руки ее мне не дает. – Батюшка велел, чтобы ты прочитала!» В записочке было написано: «Вы спрашиваете, будет ли раба Божия трудиться при храме? Да, будет, и все будет терпеть, и вознесется ее глава ко Господу». И снова приезжают люди из Тбилиси...

Священником у нас тогда был отец Григорий – это первый иерей на моем церковном пути. На вид невзрачный, ничего привлекательного в нем вроде бы нет, но впоследствии я отметила у него

много хороших качеств. Он очень трудолюбивый был – мы с ним 10 лет ремонтировали храм. Он наверх – и я за ним с тазиком или с ведром, с мастерком; цемент ли таскать – вместе... Все после службы с ним делали...

И вот отец Григорий говорит мне: «Полина, тебя окружили твои люди – пора и тебе туда ехать», – т.е. в Тбилиси. А я отвечаю с гордостью: «Батюшка, им делать нечего, позакрывали свои казенные квартиры и поехали – катаются! А у меня хата и работаю в церкви!» Он мне ни слова не сказал, что, мол, ты глупая, не понимаешь еще – не стал перечить. На следующий год опять люди эти посещают нас. Мы их покормили при храме и проводили. Остаемся вдвоем – он мне снова говорит: «Полина, тебя окружили твои люди – пора тебе ехать туда». А я пожала плечами – мол, что мне там делать?! Не понимала еще, кто такие старцы. И вновь с гордостью отвечаю, что им, мол, делать нечего – позамыкали свои квартиры и катаются, а я занята! Он опять промолчал. Заходит раба Божия Клавдия, певчая наша, а он и говорит ей: «Клавдия, отвези ты эту дуру в Тбилиси!» А она в духовной жизни знала тогда не намного больше меня: «Ой, батюшка, мне привиделся сон, как будто старчик Павел сказал, что мне надо поехать в какой-то город – в санаторий, что ли? – полечить ноги!» – обрадовалась: возомнила, что на курорт поедет. А я думаю: «Делать мне больше нечего, как с тобой по курортам разъезжать!» Батюшка Григорий в ответ: «Хорошо, поедете!» Ушла эта раба Божия – я с негодованием говорю: «Отец Григорий, – а раньше всегда называла его батюшкой, – если хотите, я ее отвезу туда. Но сама я по домам отдыха никогда не ездила и ездить не собираюсь!» Он сказал, что в Тбилиси живет старец. Я отвечаю: «Ну, если к старцу, то поеду, посмотрю, что это за старец, – я ведь не понимала ничего. – А в дом отдыха – нет! Если надо, я могу отвезти Клавдию в санаторий, оставлю там (дорогу обратно она потом найдет), а сама поеду домой или хоть к старцу». Батюшка молчит – ни одного слова не промолвит, не поругает, не расскажет мне, что это за жизнь у старца.

Собираемся ехать – Клавдия вещей полный чемодан набрала, а я батюшке говорю: «А я ничего брать не буду – в чем стою, в том и поеду! Ну, в крайнем случае, смену – в поезде переодеть», – ну, я же, мол, не на курорт – принципиально поехала, в чем была.

Ни она, ни я не знали, куда именно нас отправляет отец Григорий. А сестра матушки Марии (схиигумении Серафимы) Катя, которая работала в нашем храме, узнав о том, что наш батюшка провожает нас в Тбилиси, сказала, что сообщит им – и нас будут там встречать. Она позвонила на Дидубе, и там уже знали, что к ним едут.

И вот мы поехали: Клавдии надо было в санаторий, а мне – посмотреть, «что это за старец».

Приезжаем – на вокзале встречает нас мать Мария. А я (откуда только взялись слова такие? – до сих пор стыдно) возьми и спроси: «Это Вы матушка Мария – Катина сестра?» Она: «Да, я». Приехали мы, конечно, не в санаторий, а на Дидубе. Батюшка сразу же благословил, чтобы мы посмотрели святые места. Нас сопровождала мать Диспина. И мы пешком, что смогли – обошли. Вдруг у Шушаникиной горы встречает нас на машине сам Батюшка вместе с матушкой Марией. Отец Виталий говорит: «Ну, ты, Диспина, сама добирайся в собор Александра Невского, а их мы забираем». Доехали до собора – Батюшка и мать Мария пошли в храм, а нас велели шоферу отвезти домой – в келью на Дидубе.

Едем мы – шофер спрашивает: «Кто вы такие? Сюда какие только люди не приезжают, по два месяца живут – и почти не видят Батюшку! А вы не успели приехать, так сказать, через порог перейти – и вас с прогулки по святым местам сам Батюшка встречает! И еще благословляет на машине везти домой!» Мы поежились, плечами пожали: «Не знаем...». Клавдия говорит: «Ну кто мы есть? Простые мы люди: это староста, а я певчая, псаломщица – и все, больше мы никто»...

Сидим вечером за столом, ужинаем. Батюшка начал рассказывать притчи. И все у меня что-нибудь по ходу рассказа спрашивает. А я не разбираю их, не понимаю, не могу смысла найти и ответить. Можно было бы просто ему сказать: «Батюшка, я ничего не понимаю, простите». Но я почему-то начала плакать. Сначала хлюпала, потом уже и навзрыд. Меня стали успокаивать. Одна сестра с севера говорит мне: «Мать Параскева, ну не плачь! Батюшка так тебя возлюбил!» Я отвечаю ей, что ни на что не обижаюсь, а просто плачу от стыда, что ничего не могу ответить, ничего не понимаю. Так Батюшка меня привел к смирению. Два дня шел этот «взрыд»: только Батюшка за притчи – я в слезы, и никак не могла себя удержать. Но после того, как отец Виталий нас исповедал, это состояние рыданий закончилось. Вот таким было мое первое знакомство с Батюшкой.

За всю свою жизнь я видела отца Виталия восемь раз: знала его в течение восьми лет и раз в год у него бывала.

Катя много раз ездила к Батюшке – и как сестра мать Марии, и как чадо отца Виталия. И вот только я узнаю, что она собирается ехать в Тбилиси – говорю ей: «Ты поедешь к Батюшке – расскажи, какая я есть, – и больше ничего не могу сказать, не описываю себя. – Вот как ты меня знаешь, так и расскажи». И она там рассказывала. А потом приехала и говорит: «Я рассказываю: «Батюшка, у нас одна раба Божия работает в храме старостой...». А он: «А-а! Один монах...», – и принимается рассказывать про монаха».

Кто нам помощь? Господь, Матерь Божия и Святые Божии. Вы в скорби и во благоволении Божием. Когда Израиль был в Египте и плакал, Господь любил Его. Когда мама сильно озабочена над своим дитем? – В плаче его.

Из писем схиархимандрита Виталия

Когда я сама приехала к Батюшке, только началась беседа, сели все на пол (нас тогда человек 8-10 приехало) – Батюшка стал рассказывать: «Один монах...», – и я поняла, что это будет касаться меня. А рассказал он следующую историю. Один монах был при монастыре, началось на него нападение от братии. Он долго отбивался от помыслов – не мог отбиться: стало ему обидно, и ушел он в другой монастырь. Но и в другом монастыре нападали на него. Он ушел в третий, потом в четвертый – братия и там выживают. Он попал в пятый – такая же история. Надоело ему ходить по монастырям, и он написал сам себе записочку: «Господи, ради Тебя я только терплю!» – и положил ее в кармашек. Станет ему очень трудно – он достает эту записочку из кармана, читает и успокаивается. Заметили это за ним братия и докладывают игумену: «Брат Иван у нас колдун: он читает какую-то записку, кладет ее в карман и всегда бывает спокоен». Ночью игумен зашел к Ивану в келью и прочел эту записочку. И вот как-то раз на проповеди он говорит с амвона: «Брат Иван, подойди-ка сюда». Тот вышел, смутился: мало того, что братия нападают, да еще и при всем народе игумен вызывает. А игумен продолжает: «Прочитай вслух всей братии ту записочку, что у тебя в кармане». Братия обрадовались, что сейчас разоблачат колдуна. Иван замялся. Тогда игумен говорит рядом стоящему брату: «Возьми ты у него записочку и прочти». Брат схватил записочку и быстро вслух, думая, что сейчас-то всё обнаружится, читает: «Господи, только ради Тебя я всё терплю!..» – и собрался читать дальше. А читать больше и нечего! Игумен им: «Ну что?» Все устыдились, пали в ноги и просили прощения...

Все это Батюшка нам рассказал. До меня не дошло, к чему он это говорил, но что-то смутное на душе осталось. А после на меня в нашем храме начались нападения. И как тот брат менял несколько монастырей, так и меня то выгоняли из храма, то снова я там работала. Потом поняла, что Батюшка этой притчей призывал меня все терпеть ради Господа. Но осознала это лишь много лет спустя, когда стала анализировать происходящее с духовной точки зрения, а сначала ничего не понимала. Например, просила его в письме: «Батюшка, не отринь меня от своего стада!» – а сама и не уразумевала, что это за стадо. Наверное, где-то услышала такое выражение...

Конечно, он поучал меня. Говорил, что своеволия много. Назидал: «Никого не осуждай – сама не будешь судима». Наставлял: «Делай добро».

Однажды поутру ему надо было ехать на квартиру, он выходит, одевшись, и говорит в дверях: «А вот эту шапку я отдал бы запросто, но мать Мария меня ругает, – а сам глядит в упор на меня. – И вот это пальто я бы отдал, но мать Мария не дает, говорит – ходить мне будет не в чем. А я бы отдал». Я в тот момент не поняла, что Батюш-

ка говорит это именно мне, хотя дома у меня было очень много дареных вещей, не подумала, что раз он так сказал – надо их отдать. Такой мысли даже не промелькнуло. Но когда я приехала домой, почему-то сразу же, безо всякого размышления, начала все раздавать. Зашла ко мне зачем-то знакомая женщина – я ей первый попавшийся пуховый платок: «На тебе, Мария! Носи на здоровье!» Зашла другая – я ей еще что-нибудь. И так все раздала – остался один старый-старый пуховый платок, которым разве что спину завязывать – больше никуда не годен. А я его всю зиму проносила – никто и не заметил. Потом, правда, приобрела себе более или менее приличный... И странно: когда я отдавала людям свои вещи, у меня не было и тени сомнения: «Зачем я отдаю? Сейчас все раздам, а мне что останется? Жалко!..» – я все делала как бы автоматически, не задумываясь... Лишь в последние годы я стала размышлять, что же это был за старец – наш отец Виталий!..

Однажды приехала в Тбилиси – были какие-то вопросы к Батюшке. Уже надо уезжать, а я спросить ничего так и не смогла: отец Виталий почти постоянно болел, и матушка Мария оберегала его, чтобы мы не донимали. Другие сестры как-то проще себя там чувствовали, некоторые были чуть ли не с детства знакомы с Батюшкой – им если что надо, они удобную минутку улучат, как-то проберутся к отцу Виталию, спросят, что надо, все расскажут ему, получат ответ, а я всегда стеснялась.

И вот выходим в день отъезда из дома, все нас провожают. Идем друг за другом, Батюшка – в самом конце. А у меня появляется горестная мысль: «Ну вот, с чем приехала, с тем и уехала!» Вдруг Батюшка забегает вперед, подходит ко мне и тихонько говорит: «А тебя будут гнать. А ты не уходи...»

Через два года в храме началось на меня гонение. В конце концов, созвали собрание и уволили с должности старосты. «Хватит! – говорят. – Нажилась!» Пошел слух, будто я дом где-то себе купила... Тут же нашлась на это место другая: «Я старостой буду!»... А священник из соседнего храма, для которого я пекла просфоры, пока их просфорницы не выучились печь, узнал о том, что меня выгнали, и говорит: «Мать Параскева, ты смотри – из храма не уходи!» Эти слова были так похожи на те, что сказал мне отец Виталий. И я ответила: «А я и не собираюсь», – и вечером пришла в нашу церковь на всенощную (собрание было в субботу днем). Все удивились – они думали, что больше я в храме не появлюсь. А я как ходила на службы, так и продолжала ходить. Потом поставили меня на продажу свечей... До сих пор это продолжается – то принимают, то выгоняют...

Когда отец Виталий умер, я не знала об этом целую неделю, и на его похоронах, конечно, не была. Но в ночь его смерти я видела Батюшку во сне. Как раз перед этим я хотела послать ему письмо с вопросом: если после того, как выгонят из храма, опять позовут работать – идти мне или не идти? Так повторялось уже много раз, и я решила, что надо спросить благословения. И вижу во сне, будто отец Виталий идет по моему огороду ко мне навстречу, накрыл сам себя платом, которым в гробу лица монахов закрывают, и быстро-быстро проговорил: «Работать-работать-работать!»

Из писем схиархимандрита Виталия

Возлюбленные наши радости:
мамы, папы, отцы и все присные!

Благослови вас Господи Своею нетленною Десницею, утешая в скорби, которой нету. Это человек своим неверием создает себе скорбь и начинает страдать, грешить, унывать, роптать, малодушничать. Господь рек: *Аз есмь с вами и никтоже на вы.* Я не верю, что сказал Господь, за это благодать уходит от меня, оставляя одного, и в душу мою привходит страдание, ничем не утешение, молитвы к Богу нету, осуждение, болтословие, сплетни, недоверчивость, пересуды, ропот, подслушивание, подсматривание, безмерное ядение, недовольство, неблагодарность, леность, дремота, несытый сон; воздух порчу, редко причащаюсь, никого не люблю, огрызаюсь, огорчаюсь, о спасении великое нерадение, "святого" не читаю, богомыслием не занимаюсь, злюсь, ярюсь, голос возвышаю, сам на себя надеюсь, ничего не люблю, а что сделаю – хвастаюсь, сам себя жалею, без меры суечусь, праздники не почитаю, работаю; без слез, умиления, сокрушения, воздыхания причащаюсь, Святые Дары (благодать Причастия) не храню, без молитвы и крестного знамения ем и пью, каяться не хочу, ничего другим не уступаю, на волю Божию не возлагаюсь.

Скажите, откуда будет душе мир? Он от Бога, а я Его Святой закон весь нарушаю, а, покаявшись, опять согрешаю. И если бы делал так: руки замазал и помыл, опять то сделал и опять их очистил, так бы без уныния и многословия согрешил, сразу каяться бы, верить и благодарить.

Вы, наши радосте, идите вслед Богу, Который рече: *воззовет ко Мне и услышу его, с ним есмь в скорби.* Он вас благословит, душу и тело укрепит и в жизнь вечную водворит. Аминь. Ваши многогрешные питомцы. Спаси вас, Господи. Простите.

Примечание: Отец Виталий часто прибегал к такой форме ласкового обличения, когда содержание письма надо было понимать наоборот, или приписывал грехи своих подопечных себе.

О молитве

«Читаю Псалтирь и не понимаю...»

ВОПРОС: Вы говорите, что молитва, которой не внимал ум и не сочувствовало сердце, «не засчитывается». А как же тогда расценить известный святоотеческий случай? Ученик, придя к старцу, спросил: «Отче, как мне быть? Читаю Псалтирь и не понимаю, ***что*** читаю». Старец ответил: «Если ***ты*** не понимаешь, что читаешь, зато понимают бесы. Понимают – и трепещут».

Этот эпизод часто приходилось слышать от собеседников, когда речь заходила о молитве. И, надо сказать, слышать такие слова очень утешительно. Сразу же успокаиваешься: какая разница, как ты прочитал молитву? Ведь главное, что ты ее ***прочитал***, а бесы при этом все понимают и трепещут!

ОТВЕТ: Довелось мне однажды прочитать одно интересное повествование. Некто из наших прославленных святителей (кажется, святитель Тихон Задонский), описывая посещения церквей своей епархии, сделал такую запись. Неудовлетворенный некоторыми действиями священников и псаломщиков, он написал, что псаломщик, читая службу, «еле бредет по Псалтири».

И вот толкователь – тот, кто толкует эти слова святителя – говорит, что представляется невероятным, чтобы в то время были такие чтецы, которые бы «еле брели по Псалтири» в нашем понимании. Ведь взять современных чтецов. Как известно, многие из них только-только воцерковляются. И когда таковые начинают что-либо читать, они путаются раз за разом: делают ошибки, длительные остановки, неправильные ударения, допускают грубые искажения смысла читаемого текста – действительно, «еле-еле тянут». А в данном случае, говорит толкователь, более вероятно то, что святитель предъявлял весьма высокие требования к чтецам. И когда эти требования не удовлетворялись, то он выражал это именно таким словом, что чтец «еле бредет по Псалтири».

Так это было несколько столетий назад. А сегодня наверняка все были бы очень рады услышать такого чтеца в своей церкви...

Поэтому, мне думается, подобным образом и мы не можем правильно понять, ***что*** имел в виду старец первых веков христианства, когда отвечал брату на его вопрос о молитве.

Это один момент. А второе, что заслуживает внимания – то, что ученик не сказал: «Я невнимательно читаю», он сказал: «Я не понимаю, что читаю», – потому что в Псалтири, действительно, есть много неудобопонятных изречений, смысл которых уловить сложно. В соответствии с этим старец и ответил, что «если ***ты*** не понимаешь смысла некоторых высказываний, то понимают бесы, и трепещут, ибо это – глаголы Святого Духа». Но он не сказал: «Как ты читал невнимательно, рассеянно, нерадиво, так можешь продолжать читать и дальше – бесы от такой твоей молитвы будут трепетать и убегать». Этого старец не сказал. А ведь многие из нас именно так и понимают приведенный диалог старца с учеником.

И сейчас, к сожалению, многими неопытными пастырями употребляется вот такой штамп-убаюкивание: дескать, «если читаешь молитвы кое-как, ну и ладно, лишь бы только читал; если ***ты*** не понимаешь, что читаешь, зато понимают бесы». Но это говорится с тем смыслом, что «как ты читал невнимательно, так можешь и читать. Не имеет значения, как ты читаешь, важен сам факт вычитывания – это все равно вменится тебе в доброе дело, и бесы все разбегутся».

Но ведь, думается, должно быть понятно, что совершенно разные вещи, когда мы ***не понимаем смысла изречения*** Священного Писания (или какой-либо молит-

вы) и когда просто ***невнимательно читаем*** – глазами скользим кое-как по тексту, а умом (по привычке к рассеянности и нерадению) летаем невесть где. Разница здесь очень существенная, и потому нужно на это обратить особое внимание, дабы не предаваться самообольщению. Потому что большое бедствие бывает для души, когда человек возлюбит и усвоит себе ***самооправдание*** – оправдание своих грехов, в том числе, своего нерадения, своей безпечности и невнимательности в совершении молитвенного правила.

Безвыходных ситуаций у христианина не бывает

ВОПРОС: После небогоугодно проведенного времени (после очередного приступа ***накатанного*** греха) наступило уныние и расслабление. Утром зажигаю лампаду для утренних молитв – чисто по привычке, а сам думаю: «Увы-увы! Моя молитва выше потолка не поднимется!» И тут же следом: «Так зачем тогда вообще молиться?!»

Как здесь быть?.. Дело в том, что это – не просто «охлаждение в молитве», которое перебарывается понуждением. В данном случае – на душе тяжко и мрачно, впереди – безпросвет. И помысел, что молитва из этого состояния «выше потолка не поднимется», всего лишь «подвел итог». Это просто факт.

Что в таком случае делать? Может быть, начать не с утренних молитв, а с «рассказа-жалобы» Богу о своем окаянстве? Рассказать все как есть своими словами (потому что читать что-либо из готовых молитв в таком состоянии не получится). Но, с другой стороны, что изменится от такого «рассказа»? Покаяния-то все равно нет. Совесть, конечно, терзает, обличает. Горечь и стыд от содеянного есть. Но сказать, что «я так поступать никогда больше не буду», я не могу, т.к. чувствую, что страсть возобладала мною.

ОТВЕТ: В таком состоянии наиболее действен может быть вопрос к самому себе: «А что будет со мной, если сегодня, к примеру, меня собьет машина (или у меня случится инсульт, инфаркт и т.д.)? Где я окажусь и в каком состоянии обрящусь? И это состояние ведь будет на всю безпредельную вечность!»

А потом, после такого размышления, надо попытаться не просто начать молиться, а ***вопиять***, как в горящем доме – какой уж вопль родится в душе. И после этого не спеша начать читать утренние молитвы.

Иногда, правда, при воспоминании о смерти диавол будет ухищряться столкнуть душу с пути покаяния на ропот. Тогда можно в простоте сердца по-детски пожаловаться Господу на свое окаянство.

ВОПРОС: А если я чувствую, что страсть возобладала мною?

ОТВЕТ: Если чувствуешь, что страсть все-таки возобладала тобою, и нет сил ей сопротивляться, тогда необходимо (после молитвы о вразумлении) исследовать, ***за что*** ты предан на посмешище демонам этой страсти.

Наиболее часто мы не можем победить той или иной страсти только по причине своего самодовольства, т.е. гордости (или за осуждение ближних). Если человек принял какой-то гордый помысел (что он, к примеру, весьма приятной наружности, или делает много общеполезных дел – именно ***своим*** усердием и старанием, или же, что находится в гораздо лучшем состоянии, чем какой-либо его ближний, или иной помысел надменного самодовольства) и не заметил его зловредности – его демонического духа, и не покаялся в этом осквернении гордостью, то он начинает падать и запутываться уже во вторичный грех. Начинает одолеваться страстями лености, многоспания, нерадения, безпечности, суетности и прочих подобных.

Если осознает свое окаянство – это и то, прежнее высокое о себе мнение, и покается в том и другом, то легко начнет побеждать обуревающие его страсти. Но если и за эти грехи легко будет извинять и оправдывать себя, то ниспадет в худшее окаянство: гнев, раздражительность, злопамятность, чревоугодие, пьянство, зависть, зложелательство и прочие подобные.

Если и с этим окаянством сдружится и сживется, то будет предан на поругание блудным бесам и всевозможным страстям и порокам – для того, чтобы если не заметил своей нечистоты в гордостных самодовольных помыслах, то теперь бы увидел это окаянство через свою беснующуюся страстями плоть.

И если не позаботится во всем этом покаяться, то сие окаянство начнет (каким-то образом) афишироваться и посрамлять человека уже всенародно. Если же не проявится подобающее покаяние и после этого срама, то нередко постигает такого глупца внезапная смерть.

Так что когда ты находишься в таком состоянии, что думаешь: «Моя молитва выше потолка не поднимется», это значит, что тебе уже нужно вопиять, подобно утопающему в омуте, а не просто холодно вычитывать свое молитвенное правило. Иначе может статься, что придется вопиять вечно... но уже безполезно.

ВОПРОС: А если после осознания всего этого нападают на душу мрак, уныние и дух ропотливости?

ОТВЕТ: Тогда вспомни (с момента обращения твоего к Богу, а еще лучше – с самого детства) Всеблагой Промысл Божий о тебе. Вспомни все свои желания и молитвы и все те блага, которые даровал тебе Господь от первого возраста до нынешнего дня. А потом «поговори» со своим Спасителем по этому своему «безнадежному делу».

ВОПРОС: Но если и это не поможет? Тогда что: пропала душа моя?

ОТВЕТ: Нет. Безвыходных и тупиковых ситуаций у христианина не бывает. Ведь Спаситель наш

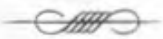
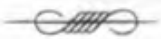
Господь Иисус Христос, будучи Богом, принял на Себя человеческое естество, чтобы ***спасти грешников*** – нас с тобой. А мы этого никак не хотим понять и попросить Его о заступлении и помощи подобающим образом, и не хотим приготовить себя очищением, чтобы принять этот дар...

ВОПРОС: К сожалению, умом вроде бы все понимаешь. А как дело доходит до практики – так «увы»...

ОТВЕТ: Тогда давай рассмотрим «проблему» следующим образом. Нередко, когда мы хотим кому-то что-то объяснить, а он противится или не понимает, то мы говорим: «Поставь себя на мое место, тогда сможешь меня понять!» Конечно, недопустимо будет сказать: «Поставь себя на место Спасителя и подумай, как бы ты спасал себя таким, какой ты сейчас есть». А скажем так. Ради рассмотрения дела – ради более ясного его понимания – представь себе, что по чьим-то молитвам Господь тебя помиловал и спас. И, поместив в преддверие Рая, позволил заботиться о спасении твоих сродников и друзей.

И вот... В какое-то время среди них вдруг появляется такая же сорви-голова, как и ты сам – как бы твой «двойник». Ну, и?.. Как бы ты его спасал в случае, если бы он думал и делал то, что ты думаешь и делаешь сейчас?

Это тебе, так сказать, «домашнее задание». Если правильно разберешься в этой ситуации любви Спасителя и свободной воли «отвечающего» Ему человека, то уже никогда в жизни не поропщешь и не перестанешь непрестанно призывать Бога-Спасителя себе на помощь в борьбе против плоти, мира и диавола.

МОЛИТВА

На голом острове растет чертополох.
Когда-то старцы жили там — остался вздох.

Их много было на челне... По воле волн
Прибило к берегу не всех — разбился челн.

Спросил один чрез много лет: — А сколько нас?
— А сколько б ни было, все тут, — был общий глас.

Их было трое, видит Бог. Все видит Бог.
Но не умел из них никто считать до трех.

Молились Богу просто так сквозь дождь и снег:
Ты в небесех — мы во гресех — помилуй всех!

Но дни летели, годы шли, и на тот свет
Сошли два сивых старика — простыл и след.

Один остался дотлевать, сухой, как трут:
— Они со мной. Они в земле. Они все тут.

Себя забыл он самого. Все "ох" да "ох".
Все выдул ветер из него — остался вздох.

Свой вздох он Богу возносил сквозь дождь и снег:
Ты в небесех, мы во гресех — помилуй всех!

Мир во гресех послал корабль в морскую даль,
Чтоб разогнать свою тоску, свою печаль.

Насела буря на него — не продохнуть,
И он дал течь, и он дал крен и стал тонуть.

Но увидала пара глаз на корабле:
Не то костер, не то звезда зажглась во мгле.

Соленый волк взревел: — Иду валить норд-ост!
Бывали знаки мудреней, но этот прост.

Пройдя, как смерть, водоворот меж тесных скал,
Прибился к берегу корабль и в бухте стал.

И буря стихла. Поутру шел дождь и снег.
Морские ухари сошли на голый брег.

Они на гору взобрались — а там сидел
Один оборванный старик и вдаль глядел.

— Ты что здесь делаешь, глупой? — Молюсь за всех. —
И произнес три крат свой стих сквозь дождь и снег.

— Не знаешь ты святых молитв, — сказали так,
— Молюсь, как ведаю, — вздохнул глупой простак.

Они молитву «Отче наш» прочли три крат.
Старик запомнил наизусть, старик был рад.

Они пошли на корабле в морскую даль,
Чтоб разогнать свою тоску, свою печаль.

Но увидали все, кто был на корабле:
Бежит отшельник по воде, как по земле.

— Остановитесь! — он кричит. — Помилуй Бог,
Молитву вашу я забыл. Совсем стал плох.

— Святой! — вскричали все, кто был на корабле. —
Ходить он может по воде, как по земле.

Его молитва, как звезда, в ту ночь зажглась...
— Молись, как прежде! — был таков их общий глас.

Они ушли на корабле в морскую даль,
Чтоб разогнать свою тоску, свою печаль.

На голом острове растет чертополох,
Когда-то старцы жили там — остался вздох.

Как прежде, молится сей вздох сквозь дождь и снег:
— Ты в небесех — мы во гресех — помилуй всех!

Юрий Кузнецов,
г. Ставрополь

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ, ЛИПЕЦКИЙ БЛАЖЕННЫЙ

За подписью И. В. Сталина 15 мая 1932 года была объявлена «безбожная пятилетка». Намечалось, что к 1 мая 1937 года «имя Бога должно быть забыто» на всей территории СССР. И уже к концу лета 1932-го органы ОГПУ «раскрыли» контрреволюционную церковно-монархическую организацию «Ревнители церкви», якобы возглавляемую архиепископом Курским Дамианом (Воскресенским), причтенным ныне к лику священномучеников.

Как сообщается в томе 3-м «Книги памяти жертв политических репрессий на Орловщине»: «По

Архиепископ Софроний (Арефьев)

мнению ГПУ, руководителями Орловского отделения этой подпольной организации были епископ Николай (Могилевский) [правящий Орловский с 16 сентября 1927-го по апрель 1931-го – Л. М.], находившийся на покое, и бывший земский начальник Михаил Иванович Воинов, который в свое время окончил Московскую духовную академию и находился в г. Орле в административной ссылке, дав обет Богу жить как старец – на подаяние. По делу проходило 413 человек, в том числе 3 епископа, 127 священников и диаконов, 106 монахов и монахинь, 70 кулаков, 11 бывших дворян, помещиков, полицейских и других. Причем Орловское отделение, как утверждало ГПУ, объединяло 3 контрреволюционные группы в составе 46 человек (из них две – в г. Орле и одна – в селе Куликовка)».

Многие духовно близкие и хорошо известные Ивану Васильевичу орловчане, сохранявшие верность вере православной, стали тогда жертвами жестоких гонений. Среди них была и последняя настоятельница приютившего Ивана Васильевича Введенского монастыря – игумения Алексия. 66-летнюю старицу арестовали, допрашивали, на допросах избивали, но она «твердо исповедовала верность Православной Церкви и неприятие обновленческого раскола». Осуждена была к ссылке в Казахстан.

А «контрреволюционная группа», выявленная «в селе Куликовка», была общиной молитвенников, руководимой самим Иваном Васильевичем. Верные соратники его на поле битвы за веру Христову И. Б. Дюканов и Ф. И. Ляхов, а также многие из тех, кто посещал молитвенные собрания в Малой Куликовке, были тогда арестованы.

Вот как рассказывает об этих событиях, непосредственно коснувшихся ее семьи, А. Ф. Дюканова: «В 1932 году наш дедушка – Иван Борисович Дюканов и тетушки (его дети): Дуня, Паша и Поля – были арестованы НКВД за церковь. В их доме в деревне Малая Куликовка был произведен обыск, все отобрали: иконы, лампады, книги и другое – безвозвратно. Дедушку сослали, а тетушки сидели полгода в тюрьме г. Орла. Потом их выпустили». Действительно, «выпустили», но после суда. Евдокия Ивановна, Пелагея Ивановна, Прасковья Ивановна осуждены были на 5 лет концлагерей условно. Самого И. Б. Дюканова осудили к 5 годам ссылки в Северный край (на Вологодчину – по воспоминаниям А. Ф. Дюкановой). Столько же, но с отбыванием в концлагере, получил Ф. И. Ляхов. Супруга его, Анна Егоровна, также бывшая участницей молитвенных собраний, осуждена была на 5 лет условно. Т. Н. Ноздриной присудили 3 года северной ссылки. Это лишь те, о ком удалось что-то узнать...

Волей Божией самому Ивану Васильевичу удалось спастись, когда грянула эта гроза.

Предание об этом сохранила липчанка Л. К. Тихонова со слов орловских паломниц Евдокии и Ефросиньи, приезжавших на могилку старца в начале 1970-х годов. На Орловщине рассказывали, что, когда начались аресты, добрые люди положили старца в подводу, укрыли его соломой и двинулись в путь. Старец Иоанн ни на минуту не прерывал молитвы. Но вскоре повозку все же догнали преследователи. Порывшись в возу, они увидели лишь бревно, с досады плюнули и поворотили назад...

А вот что пишет по этому поводу А. Ф. Дюканова: «Иван Васильевич в это время, по милости Божией, сумел скрыться. Он поехал в Екатеринбург (Свердловск)». О том же заявил на следствии в 1950-м и сам Иван Васильевич: ***«Летом 1932 года мне удалось избежать ареста и скрыться из города Орла путем экстренного выезда в город Свердловск... я перешел на нелегальное положение»***.

– Почему именно в Свердловск? – интересуется следователь.

– Потому, что там проживали мои знакомые: архиерей Софроний и его келейник Михаил Григорьевич, с которыми я познакомился по месту ссылки Ковригина в городе Великий Устюг, – отвечает Иван Васильевич.

«Архиерей Софроний» – это уже упоминавшийся архиепископ Великоустюжский (в миру Иван Алексеевич Арефьев), с 22 марта 1932 года бывший архиепископом Ирбитским, временно управляющий Свердловской епархией. Отличался строгим аскетизм ом в житии,

каждый день служил литургию, сам читал паремии и подпевал. Расстрелян 23 декабря 1937 г. в городе Краснодаре, по месту последнего служения.

Архиепископ Серафим (Остроумов)

Рядом с этим незаурядным деятелем Церкви Православной и довелось прожить несколько месяцев Ивану Васильевичу. «А потом я перешел на квартиру, на Верзнеисецкую улицу», – сообщал позднее сам Иоанн. Со слов тети, Пелагеи Ивановны, А. Ф. Дюканова уточняет, что позднее он купил «захудалый домик». Там П. И. Дюканова и навестила Ивана Васильевича в Свердловске, некоторое время прожив рядом, помогая старцу. Ведь Васильев, сам пребывая в скудости, «кормил и поил ссыльных архиереев и священников. Там оказались ссыльными орловские владыки Серафим и Николай, близкие друзья его». Оба владыки, немало претерпешие в годы гонений на Церковь Христову, ныне канонизированы: расстрелянный в 1937 году архиепископ Смоленский Серафим (Остроумов) причтен к лику священномучеников, а Николай (Могилевский), опочивший в сане митрополита Алма-Атинского и Казахстанского, – исповедников.

Пелагея Ивановна оставила трогательное воспоминание о том, как, прибыв в Свердловск и войдя к Ивану Васильевичу в дом, застала его готовящим кулеш для ссыльных.

Не оставлял Иван Васильевич своей заботой духовной и осиротевших чад из Куликовки и Орла, многие из которых томились в ссылке. Но и туда доходили весточки от возлюбленного старца. Вот пишет он сосланному И. Б. Дюканову, стараясь укрепить его и ободрить во дни постигших их испытаний: ***«Христос среди нас. Многоуважаемому и родному отцу Ивану Борисовичу низко кланяюсь и целую я тебя. Не знаю я, милый друг, откуда мне начать здесь плакать о твоем положении? Мне больно сердцу, твои вздохи и скитания режут как ножом, и что сказать тебе на это? Говорит Сам наш Господь Иисус Христос апостолу Петру: «Свяжут руки твои и поведут куда не хочешь»...***

И мы с тобой ничего не потеряли. Наша жизнь на рассвете, куда мы пойдем? Это было нам предварительное скитание, [чтобы]***одуматься в добровольной своей воле и на опыте увидеть, чтоб мы нашли Бога и жива душа была бы наша...***

Я пишу, милый друг, за то, что ты самим Богом на это дело призван...

Мы ничего с тобой не потеряли, вторично я пишу. И начнем, милостью Божией, снова, скажем – пусть воля Божия куда хочет нас посылает, и возрадуемся, что наша мзда на небесах. «Не бойтесь, если тело будут убивать, но бойтесь по убиению быть ввергнутым в огонь вечный», – Сам Господь сказал. Сейчас это наши курсы с тобой».

О том же пишет он и в Орел, Евдокии Ивановне Дюкановой: ***«Страсти и мир сей – есть училище, где воспитывается и образуется все человечество во всяких искушениях и грехах. Страшно много нужно времени на это дело прожить и не смотреть, что сегодня со мной неладно делается, как бы все забывать, но вперед стремиться»***. В другом письме: ***«Теперь легче делать дело Божие, вас не надо ни уговаривать, ни помогать, а только остаток добровольцев в одно соединить, и этот остаток, может 2 или 3 всего, у Бога выпросит, что бы вы не попросили б».***

«В самые трудные годы Иван Васильевич писал эти письма, – вспоминает бережно их хранящая А. Ф. Дюканова. – Отправлялись они не по почте, а передавались очень надежными друзьями из рук в руки».

Тайну этой орловско-свердловской переписки, от которой остались только письма Дюкановым, Иван Васильевич не стал раскрывать и на следствии. Утвердительно ответив на вопрос следователя: «Переписывался ли он с кем из орловских «привероженцев», на уточняющий вопрос он коротко ответил: ***«Вспомнить сейчас не могу»***.

А вот с отцом Всеволодом связь в те годы у «келейника Иванушки», и вправду, прервалась окончательно.

Сегодня известно, что в очередной раз отец Всеволод был арестован в ссылке 19 февраля 1934-го органами Полномочного представительства (ПП) ОГПУ в Ленинград-

Митрополит Николай (Могилевский)

ском военном округе (ЛВО). Проходил по статье 58, части 10, 11 УК РСФСР , как «активный участник контрреволюционной церковно-монархической организации». Постановлением Тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 28 февраля 1934 года осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей. Отправлен в СевВостЛаг (г. Владивосток). О судьбе после 1934 сведения отсутствуют. Реабилитирован в 1990 году.

(Продолжение следует)

Л. МОРЕВ

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

ЗАПОВЕДИ БЛАЖЕНСТВА

в изречениях и делах святых отцев, живших в IV и V веках

Не судите, да не судими будете: имже бо судом судите, судят вам: и в нюже меру мерите, возмерится вам (Мф. 7, 1-2).

Не осуждай никого ни делом, ни словом, ни в душе или внутренне.

Случится слышать осуждение, отврати слух. Помни: осуждение брата есть следствие и действие гордости, зависти и злобы.

Судящий ближних, не быв призван особенной должностью к тому, чтобы обличать их, восхищает суд Божий.

Не судящего ближних и Бог не осудит.

(Продолжение. Начало в № 22-46)

Авва Макарий пришел однажды к Авве Пахомию Тавенисиотскому. Пахомий спросил его: если братья не соблюдают порядка, хорошо ли учить их? Авва Макарий отвечал ему: учи и строго суди своих подчиненных, а из посторонних не суди никого, ибо сказано: не внутренних ли вы судите? Внешних же Бог, судит (1 Кор. 5, 12-13).

Авва Моисей говорил: не укоряй никого, но говори: Бог знает каждого; не соглашайся с клеветником, не забавляйся его злоречием, но и не питай ненависти к тому, кто поносит ближнего своего.

Авва Иосиф Панефосский сказал Авве Пимену: если хочешь найти покой здесь и там, то при всяком деле говори: кто я? и не осуждай никого.

Авва Пафнутий, ученик Аввы Макария, сказывал: просил я отца моего: дай мне наставление. Он сказал мне: никого не обижай; никого не осуждай; соблюдай сие, и спасешься.

Брат спросил Авву Пимена: если я увижу падение брата моего, хорошо ли скрыть это? Старец отвечал: когда мы покроем падение своего брата, и Бог покроет наше падение; а когда обнаруживаем падение брата, и Бог обнаружит наш грех.

Некоторые отцы спрашивали Авву Пимена: позволишь ли нам обличать брата, когда мы увидим, что он грешит? Старец отвечал: а когда мне нужно бывает идти через то место, и я вижу его во грехе, прохожу мимо и не обличаю его. Брат пришел к Авве Пимену и при некоторых, тут бывших, хвалил одного брата за то, что он ненавидит зло. А что значит ненавидеть зло? – спросил у него Авва Пимен. Брат смутился и не нашел, что отвечать. Потом встал, поклонился старцу и говорит: скажи мне: что есть ненависть ко злу? Старец отвечал: вот ненависть ко злу: если кто возненавидел свои грехи, а ближнего своего почитает праведным.

Брат говорил Авве Пимену: если увижу брата, о падении коего слышал я, то мне не хочется принимать его в свою келью: если же увижу брата доброго, то принимаю с радостью. Старец отвечал ему: если ты делаешь немного добра для брата доброго, то для падшего сделай вдвое более, ибо он слаб.

В обители Аввы Илии с одним братом случилось искушение. Его выгнали оттуда – и он пришел в гору к Авве Антонию. Авва Антоний, подержав брата несколько времени у себя, послал его в обитель, из которой он вышел. Но братья, увидев его, опять погнали. Брат снова пришел к Авве Антонию и сказал: не захотели принять меня, отче! Тогда старец послал его с такими словами: буря застигла корабль на море, он потерял груз свой и с трудом сам спасся. А вы хотите потопить и то, что спаслось у берега. Братья, услышав, что Авва Антоний послал брата к ним, тотчас приняли его.

Однажды Авва Исаак Фивейский, при посещении Киновии, увидел там брата, впавшего в грех, и осудил его. Когда возвратился он в пустыню, пришел Ангел Господень, стал пред дверьми его кельи и сказал ему: не пущу тебя. Исаак с покорностью спросил: за какую вину? Ангел отвечал: Бог послал меня к тебе с повелением спросить: куда велишь поместить падшего брата, которого ты осудил? Авва тотчас раскаялся и взывал: согрешил, прости меня! Ангел сказал ему: встань, Бог простил тебя, но вперед берегись осуждать кого-либо прежде, нежели Сам Бог осудит его.

Авва Пимен говорил: жил в Киновии один отшельник по имени Тимофей. До настоятеля дошел слух, что один брат подвергся искушению, и он спросил Тимофея: что делать с падшим братом? Отшельник присоветовал выгнать его. Когда же выгнали брата, искушение, бывшее с ним, постигло и Тимофея, так что он находился в опасном положении. Тимофей начал со слезами взывать к Богу: согрешил я, прости мне! И был к нему глас: Тимофей! знай, что Я послал тебе искушение именно за то, что ты презрел брата своего во время искушения его.

Авва Пафнутий рассказывал о себе: однажды, путешествуя, сбился с дороги, ибо был туман, и очутился близ селения. Там увидел я некоторых безстыдно разговаривавших между собою. Остановившись, начал я молиться о грехах своих. И вот явился мне Ангел с мечем и говорит: Пафнутий! все, осуждающие братьев своих, погиб-

нут от меча сего! Но ты не осудил, а смирился пред Богом, как бы виновный в грехе. Посему имя твое вписано в книгу живых.

Рассказывали об Авве Марке Египетском: он прожил тридцать лет, ни разу не выходя из своей кельи. К нему обыкновенно приходил пресвитер и приносил ему Св. Причащение. Диавол, видя столь крепкое терпение Марка, злоумыслил искусить его осуждением. Он внушил одному бесноватому идти к старцу будто бы для молитвы. Одержимый духом, не говоря еще ни слова, закричал старцу: пресвитер твой имеет гнусные грехи; не позволяй ему более входить к себе. Богодухновенный муж сказал ему: сын! все выбрасывают нечистоту вон, а ты принес ее ко мне. В Писании сказано: *не судите, да не судимы будете*. Впрочем, если пресвитер и грешник, – Господь спасет его; ибо сказано: *молитесь друга за друга яко да исцелеете* (Иак. 5,16). После сих слов старец, сотворив молитву, изгнал из человека беса и отпустил его здоровым. Когда по обыкновению пришел пресвитер, старец принял его с радостью. И благой Бог, видя незлобие старца, явил ему чудо. Ибо, когда пресвитер приступил к святой трапезе, я увидел, – рассказывал сам старец, – что Ангел Господень сошел с неба и положил руку свою на пресвитера, и пресвитер сделался как бы огненным столпом. Когда же я с изумлением смотрел на сие видение, услышал глас, говоривший мне: человек! что ты удивляешься сему? если и земной царь не позволяет вельможам своим предстать пред себя нечистыми, а требует от них великолепия, то тем паче Божественная сила. Ужели она не очистит служителей Святых Таин, предстоящих пред небесной славой? Таким образом, мужественный подвижник Христов Марк Египетский, сделавшись великим, удостоился сего дара за то, что не судил пресвитера.

Авва Агафон, когда видел какое-нибудь дело, и помысел побуждал его к осуждению, говорил самому себе: Агафон! не сделай сам того же; и помысел его таким образом успокаивался.

Некогда Авва Аммон пришел в одно место обедать. Там был человек, о коем носилась худая молва. Случилось, что шла одна женщина и зашла в келью брата, о котором была худая молва. Жители места того, узнав об этом, произвели тревогу и собрались выгнать его из кельи. Но узнав, что епископ Аммон находится тут, пришли и просили его пойти с ними. Брат, как скоро узнал об этом, скрыл женщину в большую бочку. Когда народ пришел, Авва Аммон узнал тут бывшее; но для Бога

Преподобный Пимен Великий

скрыл дело и, вошедши, сел на бочку и велел обыскать келью. Когда же обыскали и не нашли женщины, Авва Аммон сказал: что это значит? Бог да простит вам! И помолившись, велел всем выйти, а брата взяв за руку, сказал ему: брат, внимай себе! и, сказав сие, удалился.

Авва Антоний предсказывал Авве Аммону, говоря: ты успеешь в страхе Божием! Потом вывел его из кельи, указал ему камень и сказал: брани этот камень и бей его. Аммон сделал это. Авва Антоний спросил его: что, камень ничего не сказал? Ничего, – отвечал Аммон. В сию меру придешь и ты, – сказал ему тогда Авва Антоний. Что и исполнилось. Авва Аммон так усовершился, что от множества доброты не знал зла. Когда сделался он епископом, привели к нему девицу, зачавшую во чреве, и сказали ему: такой-то сделал это; наложи на них епитимию. Аммон, знаменовав крестом чрево ее, велел дать ей шесть пар полотен и сказал: когда придет время родить, не умерла бы она сама или дитя ее, и было бы в чем похоронить их. Обвинявшие девицу сказали ему: для чего же ты это сделал? наложи на них епитимию. Но он отвечал им: смотрите, братья, она уже близка к смерти; что же я должен сделать? – и отпустил ее. Так старец не осмеливался осуждать кого-либо.

Однажды Авва Иоанн Колов шел из Скита с братией. Проводник их сбился с дороги, ибо была ночь. И говорят братия Авве Иоанну: что нам делать, Авва? Брат сбился с дороги, как бы нам не умереть, блуждая? Старец отвечает им: если скажем ему об этом, он опечалится и будет стыдиться; но вот я притворюсь больным и скажу: не могу продолжать пути, а останусь здесь до утра. И сделал так. А прочие сказали: и мы не пойдем, но посидим с тобою. Так просидели до утра и брата не обличили.

Брат спросил Авву Сисоя: если во время путешествия проводник наш собьется с пути, нужно ли сказать ему об этом? Нет, – отвечал старец. Так оставить его водить нас туда и сюда? – сказал брат. Что же? – отвечал старец, – ужели взять палку и бить его? Я знаю братьев, которые блуждали, потому что проводник их сбился ночью с дороги. Их было двенадцать, и все они знали, что заблудились; но каждый старался не говорить об этом. С наступлением дня проводник их, приметив, что они сбились с дороги, сказал им: простите меня, братья! я заблудился. Они все говорили ему: и мы знали это, но молчали. Услышав сие, он удивился и сказал: братия не дадут воли языку, хотя бы пришлось умирать, и прославил Бога. Расстояние же от пути, с которого они сбились, было на двенадцать миль.

Об Авве Макарии Великом утверждали, что он был, как сказано в Писании, бог земной; потому что как Бог покрывает мир, так и Авва Макарий прикрывал согрешения, которые он, и видя, как бы не видел, и слыша, как бы не слышал.

(Продолжение следует)

"Врач от помыслов высокоумия"

Так называл святитель Тихон Елецкого юродивого Иоанна Каменева

Святитель Тихон, чудотворец Задонский, особо отмечал любовью своей город Елец, «как издревле славящийся благочестием и постоянным усердием тамошних жителей к храмам Божиим». Как замечает А. Фаддеев, автор статьи «Память о святителе Тихоне в Ельце», именно в этом богомольном городе святой архипастырь, пребывавший на покое в Задонске, «имел близких друзей, среди которых любил отдыхать, сохранились его отзывы, высоко ставившие жизнь некоторых ельчан». В числе тех ельчан, чьи имена встречаем мы в различных обстоятельствах жития св. Тихона, находим мы и Христа ради юродивого Каменева, коего именовал святитель *врачом от помыслов высокоумия*. Частенько приходил Каменев на богомолье в Задонск, где и состоялась достопамятная его встреча со святителем.

Вот что поведал однажды святитель Тихон в разговоре с другим жителем елецким – близким своим другом, старостой Покровской церкви Космой Игнатьевичем Студеникиным:

– Знаешь ли, а Каменев открыл мои мысли. За несколько пред сим дней бес нанес мне мысль высокоумия, и сколько я ни старался отогнать от себя сии мысли, но никак не мог. Третьяго дня, после вечерни, сидел я пред келию моею, на крылечке, более других дней обуреваем теми же мыслями. Вижу: из церкви бежит Каменев, окруженный ребятишками. Проходя мимо крылечка, он вдруг ударяет меня по щеке и говорит мне на ухо: не высокомудрствуй. И в ту же минуту я почувствовал, что бес высокоумия отступил от мене...

Как гласит предание, «в благодарность за такое врачевство, святитель определил юродивому Каменеву пенсию, по 3 копейки в день, которую и выдавал по самую кончину свою» через посредство Студеникина.

Святитель Тихон Задонский

Основываясь на рассказах елецких старожилов, автор жизнеописания елецкой затворницы Мелании епископ Орловский Макарий (Миролюбов) сообщает, что полное имя юродивого старца Каменева было Иоанн Тимофеевич. Происходил он из дворян, служил в городе Ельце, в провинциальной канцелярии повытчиком – был должностным лицом, ведавшим делопроизводством в суде. «Был любим начальством и уважаем всеми за его ум и добрые качества души. Но по особенному званию Божию он скоро все оставил и, взяв в пример св. Симеона, Христа ради юродивого, до конца дней своих подражал ему».

Был в те же годы в Ельце и единомысленный Иоанну Тимофеевичу пастырь – священник Преображенской церкви Иоанн Борисович, наставленный на путь священства советами святителя Тихона. Отец Иоанн склонялся к жизни юродивой дабы бежать славы людской, ибо был почитаем ельчанами за жизнь праведную и многие дары благодатные, обретенные в подвигах молитвы и беззаветной любви к ближнему. А потому и не удивительно, что два эти Иоанна, пастырь и юродивый Христа ради, не раз собеседовали друг с другом о сокровенном и прислушивались к взаимным советам, рожденным благодатным опытом духовным.

Находился с ними в общении и Иларион Мефодьевич Фокин, Троекуровский затворник, почитая за должное встречу с блаженными во время нередких своих визитов в Елец.

История сохранила рассказ об участии этих угодников Божиих в судьбе подвижницы Елецкого Знаменского монастыря – затворницы Мелании. По воле Господа, именно юродивому старцу Иоанну Каменеву дважды довелось с помощью упомянутых братий по духу и истине помочь Мелании избежать вражеских прилогов.

Высокопреосвященный Макарий сообщает, что «в одно время» Каменев, отец Иоанн и Иларион Троекуровский «пришли на Каменную гору. Посетив начальницу и других стариц, пришли к блаженной Мелании. Здесь юродивый старец Каменев, будучи сам Христа ради юродивый, увещевал Меланию оставить юродство, сидеть в своей келии с молчанием и приготовлять себя к совершенному безмолвию и затворнической жизни. Другие слушали и молчали. Мелания отвечала: "Не могу понести". Тогда все трое начали увещевать ее, обещали молиться о ней и решительно приказали ей оставить юродство. Мелания выслушала наставление и решилась испытать себя в новом великом подвиге добровольного заключения».

Но Мелания хоть и реже стала выходить в город, полного затвора так и не приняла. И тогда «движимый Духом Божиим, отец Иоанн... пришел к блаженной Мелании, и снова напоминал ей о пользе затворнической жизни, уверяя, что девице, посвятившей себя Богу, легче всего достигать спасения этим путем». Мелания выслушала о. Иоанна, но уж очень тяжелым вновь показалось ей то, чего от нее требовали. И спустя несколько времени после посещения о. Иоанна, случилось блаженной Мелании опять пойти в город. «Навстречу ей попался юродивый старец Каменев. Тотчас подошел он к ней и начал провожать ее обратно на Каменную гору. Напрасно говорила она ему, что имеет нужду купить или взять у благодетелей кусок хлеба; он отвечал ей: "Не малодушествуй! *Не о хлебе едином жив будет человек.* Иди в келию. *Ищи прежде Царствия Небесного, остальное все пошлется тебе".* (Мф. 6, 33). Итак, сопутствуя ей и поспешно понуждая, привел ее на Каменную гору, до самых дверей ее келии. "Помни час смертный", – сказал он ей грозно и ушел».

К сожалению, этими известиями и ограничивается то, что знаем мы ныне о елецком подвижнике, который достойно нес крест юродства Христа ради в последние десятилетия XVIII века, следуя примеру св. Симеона, Христа ради юродивого.

Знаменский монастырь возрождается

Возрастала обитель и благоустраивалась

Глава 8

С открытием штатного монастыря на Каменной горе здесь установилось церковное чиноположение, сложилась определеннее и самая иноческая жизнь. Были совершены первые постриги. Согласно Высочайше утвержденному 28 октября 1822 года штату, определено было Знаменскому монастырю 17 мест – 15 монахинь, казначея и игумения.

И первой заботой игумении Глафиры, как сообщает отец Геронтий, было «придать вид благолепия и внушительности взамен господствовавшей здесь во всем крайней простоты и недоконченности».

Вместо обветшавшей деревянной начали строить вокруг обители новую каменную ограду «с башнями по углам и воротами по сторонам». Для ограды этой елецким купцом Ходовым было пожертвовано в монастырь 10 000 кирпича. Тогда же на западной стороне заложена была новая колокольня со святыми вратами под аркой. Настоятельной необходимостью была и разборка в конец обветшавшей старой деревянной церкви во имя иконы Божией Матери «Знамение».

«Само собой становится понятным, что такое сложное дело, как устроение внутреннего и внешнего благоустройства св. обители, требовало... немало зрелых соображений, нравственных сил и материальных способов к довершению» – ззамечает по этому поводу о. Геронтий. К сходным выводам пришло и епархиальное начальство, ознакомившись с состоянием дел на месте. «Преосвященный Гавриил, епископ Орловский и Севский, обозревая свою Богоспасаемую епархию и бывши в г. Ельце, нарочито посетил между прочим и новооткрытый Знаменский девичий монастырь – на Каменной горе», – сообщает нам «Историческое описание...». Владыка усмотрел немаловажные неисправности и обветшалость в зимней церкви. Ему не понравился также и «фасад только что оконченной кладкою колокольни, как несоответствующий месту». Игумении Глафире велено было немедленно «разобрать оную до основания». Как явствует из дальнейшего, колокольня, видимо, была построена из-за скудости наличных средств, действительно, слишком уж неказистой.

То что требование архиерея было не просто начальственной придиркой, а именно попечительной заботой о лучшем устройстве нового монастыря, свидетельствует указ Орловской духовной Консистории за № 5122, подписанный епископом Гавриилом в 1827 году. Епархиальное управление взяло на себя заботу об исходатайствовании из Орловской строительной комиссии новых планов и проектов фасадов «как для постройки новой, более приличной колокольни, а равно – и для возведения в обители других необходимых зданий служб». Ввиду же «материальных недостатков и затруднительного положения дел в обители, благожелательный архипастырь, пригласил тогда добрых елецких граждан участливо содействовать благоустроению ее посильными своими благотворителями».

Более того, «ввиду таковых трудностей», преосвященным Гавриилом, епископом Орловским и Севским, указом Орловской духовной Консистории от 25 Октября 1827 года за № 4533, предписано было игумении Глафире: «Принять ей в помощь для управления своего бывшую начальницу монахиню Олимпиаду, к которой граждане елецкие не малое имеют доверие, и совместно с тою производить в обители исправление как церкви Божией, так и всего того, что к ней и к обители относится».

И следующий архиерей – Никодим, назначенный на Орловскую

кафедру 15 июля 1828 года, не оставлял попечения о созидающемся в Ельце женском монастыре на Каменной горе. Так, он однозначно принял сторону каменногорских инокинь в конфликте их с экономическими крестьянами, жившими на Каменной же горе за «сухим лучком». Противясь сооружению новой ограды вокруг монастыря, крестьяне, привыкшие пользоваться долгое время остававшимися здесь «ничейными» землями, «не допускали даже нанятых рабочих людей» к работе по возведению ограды. На рапорт об этом игумении Глафиры последовал указ Орловской духовной Консистории от 5 ноября 1829 года за № 4533 с просьбой к Орловскому гражданскому губернатору защитить матушек от мирских обидчиков. И дело было благополучно улажено.

А спустя два года по разрешении в пользу обители всех печальных обстоятельств пришли к концу дни земной жизни благословленной святителем Тихоном первоустроительницы нового Каменногорского женского монастыря – блаженной монахини Олимпиады. Скончалась она мирно 3 сентября 1831 года, пожив богоугодно 82 года. Могила старицы Олимпиады находилась против главного алтаря церкви Знамения Пресвятой Богородицы. На гробницу была положена чугунная доска с надписью: «Здесь покоится прах монахини Олимпиады – основательницы, впоследствии Начальницы, сего Елецкаго женскаго монастыря, родившейся 1748 г. 25 марта, а Божиею волею умре 1831 г. 3 сентября в 5 часов утра; жития ея было 82 года 5 месяц. и 7 дней; в монастырь поступила 22 лет, из рода Елецких граждан Солнцевых».

Но оставались с игуменией единодушные ей сестры и верные помощницы в лице распорядительных монастырских казначей, последовательно занимавших эту должность: Анфии, Македонии и Анатолии. Причем, монахиня Македония из Севского Троицкого монастыря проявила себя столь деятельной, что в 1831 году переведена была обратно «из Знаменского Елецкого в Севский женский монастырь настоятельницею, с посвящением ее в сан игумении».

Духовным же центром обители была скромная, даже убогая келия старицы Мелании, спасавшейся здесь с осени 1778 года. В ночь на 11 июня 1836 года окончила строгую, подвижническую земную жизнь свою затворница Елецкого Знаменского монастыря Мелания. Матушка Мелания, неоднократно

МЕЛАНІА, ЗАТВОРНИЦА
Ѣйшаго Знаменскаго, на Каменной горѣ, Дѣвичьяго монастыря.

ходившая в Задонск за благословением к святителю Тихону, как рассказывает предание, в Задонске же получила пострижение в схиму с именем Миропии. «Ее жизнь и наставления были того же духа, каким был проникнут Задонский отшельник: она не только учила богоугождению, но и посылала избранные натуры для деятельного служения ближним», – замечает по этому поводу П. В. Никольский.

Тем временем подошло к концу и четырнадцатилетнее управление монастырем Знаменским благочестивой игуменией Глафирой. За эти годы выстроена была здесь большая каменная трапеза, расширившая Знаменский храм. В нижнем этаже ее была устроена теплая церковь «о двух престолах». «А до того времени на Каменной горе не было теплой церкви, – особо подчеркивает о. Геронтий, – и многотерпеливые труженицы во время зим слушали все службы церковные в холодном храме».

Игумения Глафира была уволена от должности настоятельницы в 1837 году, «вследствие ее прошения, по болезненной старости... с дозволением иметь жительство на Каменной горе». Здесь усердием елецкого почетного гражданина Русанова была ей построена собственная келия, и от него же ей оказывалась помощь на содержание. Сообщается, что «перед кончиною своею игумения Глафира два года провела на покое, в молитве и терпении разных скорбей, и Господь воззвал ее от временных страданий на вечный покой 26-го декабря 1839 года». Скончалась игумения Глафира на 76-м году от рождения. Тело ее погребено было на правой стороне Знаменского храма, за алтарем придела в честь святителя Димитрия Ростовского. Гробницу, как тогда было принято, увенчала чугунная доска с надписью: «Усердием Елецких граждан возложена над гробом первой игумении Глафиры в память ее благочестивой кончины, доброты, кротости и терпения в жизни. Настоятельствовала с 25 Марта 1823 по 26 Марта 1837 г.»

«Благочестивая жизнь игумении Глафиры, кротость нрава и миролюбивое ее управления незабвенны для тех, кто знал ее», – сказано в «Историческом описании...» Каменногорской обители.

По увольнении же на покой первой игумении Глафиры, в 1837 году, в Елецкий Знаменский женский монастырь поставлена была настоятельницей с производством в игумении насельница Севского Троицкого женского монастыря монахиня Павлина.

Новопоставленная игумения была уроженкой села Лугань Севского округа. Происходила из духовного звания, будучи дочерью причетника И. Л. Толстого. Во святом крещении имя ее было Пелагея. В монашество была пострижена 11 июня 1821 года в Севском Троицком девичьем монастыре с именем Павлины.

Благословляя игумению Павлину на настоятельское служение в Ельце, Орловский епископ Никодим особенно обратил ее внимание на необходимость скорейшего устройства недостроенной каменной ограды вокруг монастыря и введения в нем более строгих правил, по чину монастырскому.

(Продолжение следует)

Л. МОРЕВ

Схиигумен Митрофан

Из воспоминаний духовных чад...

Часть 4

Батюшка предсказывал, что храмы и монастыри впоследствии откроются, и говорил: «Хоть бы скорее все храмы закрыли – потом быстрее откроют», – видимо, нужен был какой-то срок.

Предсказывал батюшка, что Россию разделят на 4 части. «Некоторые достанутся к хорошим, – говорил он, – им будет хорошо жить. А другим будет тяжело – над ними станут издеваться. Не дай Бог, если кто попадет в ту часть страны, которая достанется Китаю».

В Ячейке жила раба Божия Раиса, которая всегда помогала храму. Однажды батюшка вывел ее на улицу и сказал: «Раиса, запомни: на этом месте будет собор».

А будучи на том кладбище, где сейчас находится его могилка, батюшка произнес: «На этом кладбище со временем откроется трое мощей», – но не сказал, чьих. Местные жители предполагают, что это иерей Петр – праведной жизни, на могилу которого ходит много людей; блаженный Иоанн и сам батюшка. Но так ли это будет – покажет время...

Когда батюшка жил в Ячейке, он взял к себе свою племянницу Раису. Она была тогда совсем молоденькой – заканчивала 7-й класс.

Несмотря на трудности, на лице батюшки почти всегда лучилась улыбка. А иногда вдруг поглядит строго – кажется, что пронизывает человека взором.

Пришел как-то раз батюшка к рабе Божией Зинаиде, а у той в гостях сидит соседка Ольга. Батюшка внимательно поглядел на Ольгу, побегал туда-сюда и говорит: «Ой, какой же я есть! Как иду на работу – выпью стаканчик, тогда только иду!» – снова поглядел на Ольгу и опять бегает. Хозяйка не поняла, про что это батюшка говорит. А потом, когда он ушел, Ольга призналась: «Зина, ведь это про меня батюшка говорил! Как соберусь на работу или даже в храм – стаканчик выпью и иду!»

Раба Божия Раиса рассказывала, что ее мать на какой-то праздник Божий стирала и полоскала в речке. Это было в селе Паршеновка, недалеко от Ячейки. Пришла она домой и охрипла. Да так, что совсем не могла разговаривать. Евдокия, ее знакомая, посоветовала ей сходить в ячейскую церковь и объяснить все батюшке. Отец Серафим сказал: «Ох, девка, будешь ты немая до такого-то дня, – и назвал этот день – где-то через год. – А потом придешь, причастишься, закажешь молебен, и Господь тебя простит». И действительно, год она совсем не разговаривала. А в назначенный день причастилась, заказала молебен, пошла после службы домой – и снова смогла говорить.

В Ячейке болел один раб Божий и был уже безнадежен. Однажды его жена пошла во двор – управляться со скотиной. Возвращается домой – муж спрашивает:

– Ты видела батюшку? Он только что вышел отсюда.

Она отвечает:

– Нет, не видела.

– Батюшка мне сказал: «Вставай! Хватит тебе лежать-то!» – и мужчина выздоровел, встал на ноги.

По батюшкиным молитвам при его жизни очень многие получали исцеления. Однажды заболела послушница отца Серафима: приступы, не спадающая температура ... Батюшка заметил, что ее нет со всеми, и спросил про нее у матушки Паисии. Та сказала: «Маня заболела». Батюшка подошел к ней, расспросил о самочувствии и ушел. Мария продолжала лежать. Прошло какое-то время. Вдруг батюшка вышел из своей келии, подошел к кровати, на которой лежала Мария, и протянул вперед руку, прикоснувшись к ее больному боку: «Кто тут?» Уже наступили сумерки, и батюшка сделал вид, будто не заметил, что кто-то лежит на кровати. Болезнь стала утихать: «У меня стало постепенно сходить, сходить – как тает», – вспоминала потом исцеленная. На следующее утро Мария уже встала с постели.

В другой раз Мария, не рассчитав своих сил, очень тяжело подняла и вновь слегла. Батюшка, узнав об этом, спросил: «Где она?» – подошел к кровати, благословил кре-

стом и дал приложиться к нему больной. Мария выздоровела.

Батюшка Серафим исцелял – люди знали об этом – шли и ехали к нему толпами, старались побыть на службе, подойти ко кресту, взять благословение. Иным больным и болящим батюшка клал руку на голову, других благословлял крестом, при этом с силой на него нажимая – как бы «запечатывая» благословение. Третьих кропил святой водой. Одну болящую, которая до этого даже в Орловке успела побывать, просто накормил борщом: «Ну-ка, налейте-ка ей!» – а сам, конечно, молился. После этого ей стало значительно лучше, впоследствии она работала в храме. Иногда (чаще всего бесноватых и «порченых») отправлял к матушке Антонии (Овечкиной): «Вот к Анастасии езжай, к Анастасии, – так звали матушку в миру. – А потом ко мне приедешь».

Побывав у матушки, вернувшись к батюшке, люди исцелялись или получали значительное облегчение. Батюшка Серафим, матушки Антония, Михаила, Серафима действовали как бы вместе и заодно. У них даже не было разделения, кто чьи духовные чада – чада спрашивали совета и у батюшки, и у матушек. Старцы жили единой духовной семьей, единым духом, часто друг друга навещая и переписываясь. Если кто-то из чад вдруг совершал какой-то проступок, старцы собирались на «совет», решая, что делать с провинившейся сестрой или братом. При этом было замечено, что батюшка Серафим и матушка Михаила были построже, а матушки Серафима и Антония – более мягкими и всегда старались сгладить ситуацию, воззвать к снисходительности присутствующих, призывая молиться за провинившихся – «авось они и исправятся». Так или иначе – дело почти всегда решалось миром.

Известны случаи, когда по благословению батюшки у людей открывались дарования, которых не было прежде. Раба Божия Александра из Ровенки немного умела читать по-славянски, но не очень уверенно, а потому и негромко. Вдруг батюшка ей говорит:

– Саня, ты будешь с батюшкой служить.

Она в недоумении:

– Я не священник – как же я буду служить?!

– О, еще как будешь служить!

И вдруг у нее явилось дарование читать: красиво, отчетливо! 30 лет она прослужила псаломщицей.

В селе Сластеновка жила семья, очень близкая Батюшке. Случилось у них горе – сын Николай застрелился. Все его жалели, никто не мог понять, почему так произошло: парень-то был хороший, ходил к отцу Серафиму, помогал ему... Батюшку просили помолиться за самоубийцу. В то время был очень сильный голод, и отец Серафим, чтобы помочь нуждающимся, взял предлагаемые родственниками Николая деньги, раздал их голодающим, а сам стал молиться, клал за самоубийцу поклоны. Но вдруг явился ему бес во всем своем безобразном виде и закричал: «Что ты молишься за него?! Он сам застрелился! Он наш! Я прикладывал такие усилия, чтобы он был моим, а ты взял его и забрал!.. Ишь какой ты – за мешок картошки хочешь вырвать его у нас!» – мать этого парня как раз завозила на двор мешок картошки для Батюшки. Никто еще этого не знал, а бес выказал. Батюшка потом рассказывал: «Если бы я знал, что мне придется пережить, я бы никогда в жизни на это не пошел», – и наставлял всех своих чад, чтобы ни в коем случае за самоубийц не молились.

Схимонахиня Серафима (Белоусова), схигумен Митрофан (Мякинин) и схимонахиня Михаила

Подходит однажды к отцу Серафиму женщина с плачем: «Батюшка, меня бросил муж, а у меня двое детей! Что мне делать – не знаю!» Он указал ей на вторую женщину, стоявшую недалеко от них: «Спроси у Веры, что она делала, когда ее бросил муж». Плачущая женщина подошла и спросила. Вера в недоумении: «Батюшка, да разве меня бросит муж? Мы с ним живем дружно». А муж ее уже думал, как бы ему тайком уйти в монастырь. Через месяц он, действительно, тайно уехал от жены в Почаев, а после прислал письмо: «Я в монастыре».

Через два года он все же вернулся домой. Но задумал принять тайный постриг. Не знал только, как быть с женой, и очень через это скорбел. Однажды приехал к ним отец Серафим и говорит: «Вера, что-то у тебя руки какие-то не прямые. Протяни руку». А когда она протянула, сорвал с нее венчальное кольцо со словами: «Оно тебе не нужно. Мы твоему мужу дадим постриг». Вера сказала: «Тогда и мне давайте», – смирилась. Их обоих постригли...

Когда батюшка предлагал чадам постриг – отказываться ни в коем случае нельзя: если отец Серафим решил, значит, была на то воля Божия. Но как-то раз одна из сестер вздумала отнекиваться, говоря, что недостойна. Правда, осознав свою оплошность, она потом пожалела и просила у батюшки постричь ее, но он сделал это только через три года, тем самым давая ей понять, что она согрешила, предпочтя свою волю воле Божией. После старшие сестры приводили этот случай в пример младшим, говоря: «Смотри, если батюшка предложит постриг – ты не отказывайся! А то Нюра вон потом три года бегала за ним».

У батюшки были свои методы воспитания духовных чад. Он благословлял сестрам, которые всегда ходили к нему вместе, советоваться друг с другом по разным духовным вопросам, взаимно подсказывать, если кто-то поступал неправильно. А когда уж они не слушали сестринского вразумления – рассказывать батюшке.

Отец Серафим очень взыскательно относился к делу послушания. Требовал от чад, чтобы они на все брали благословение. Часто за послушание у сестер получалось то

дело, на которое благословлял их батюшка, хотя ранее они на это были неспособны. Отец Серафим сам шил и вышивал облачения и впоследствии начал учить этому послушницу Марию. Сначала она

недоумевала: «Как же я, батюшка, буду это делать? Я же ничего не знаю». Он ответил: «Ничего. Потихонечку», – и за послушание она начала учиться. Сначала дал вышить поясочек петельчатым швом, потом поручи, епитрахиль... Мария очень радовалась, что ей поручают вышивать священнические облачения, ведь делается это все для храма, для службы Божией! Постепенно батюшка стал давать задания более сложные, но с Божией помощью молитвами отца Серафима и стараниями самой Марии у нее почти всегда все получалось. Так она научилась шить, вышивать и кроить. Мария рассказывала, как батюшка учил ее шить подрясник: «Распори мой подрясник и по нему шей». После отец Серафим благословил Марию учиться петь на клиросе. «За его молитвы я и пела. Так постепенно все послушания проходила», – вспоминала она потом.

Как-то начала Мария вышивать покровцы – работа мелкая, кропотливая. Что-то не выходило в тот раз ничего. Батюшка увидел, что дело не спорится, подошел:

– А чей это материал?

– Матушка дала.

– А она у кого взяла?

– Ой, батюшка, а я и не спросила у нее...

– Как же это так? Надо спрашивать, разбирать, от кого берешь, какой человек дает тебе. И в следующий раз без благословения не бери. А то кто-то принес, чтоб пошить, матушка дала, а у кого она спросила благословения?.. Все расшей. И все, Маня, надо с молитовкой... Пришлось Марии расшивать, распарывать и делать все заново.

Очень строго отцом Серафимом порицалось непослушание чад. Одной сестре очень хотелось получить образование, но она боялась, что батюшка не позволит ей поступить в вуз, и не стала спрашивать его разрешения. Доучившись до 4-го курса, она вздумала перейти в другой институт. Приехав домой, решила, что хорошо бы взять на это благословение, рассудив, что отец Серафим, наверно, теперь не будет возражать против учения, раз она уже на 4-м курсе. Но батюшка отнесся к этому очень строго: «А кто тебя благословлял учиться?! У кого ты брала на это благословение?! Как это так?! Нет тебе благословения учиться! Это все на пагубу твоей души». Сестра подумала – что может, старица Михаила ее на это дело благословит, но и от нее получила такой же, если не еще более строгий ответ: «Нет благословения! На погибель!» – стучала посохом об пол матушка. Старцы были единодушны. Пришлось оставить учебу.

Батюшка Серафим часто спрашивал совета у других старцев. К нему в Ячейку приезжали отец Иоасаф из Грязей, мать Серафима из Мичуринска, мать Михаила. Они были в постоянном молитвенном общении и друг у друга в послушании.

Однажды рано утром батюшка пошел пешком к матушке Михаиле в Талицкий Чамлык – это в 25 километрах от Ячейки. Пришел уставший. Матушка его встретила, напоила чаем, они поговорили. А потом матушка Михаила взяла игрушечного мишку-пищалку и начала на него нажимать. Игрушка: «Пи-пи! Пи-пи!» Батюшка понял, что это неспроста, и спрашивает:

– Матушка, что говорит мишка?

– Да мишка говорит: «Попу пора собираться домой».

– Как так, матушка? Я устал... Я же с ночевкой к тебе пришел, – день уже клонился к вечеру.

– Ничего не знаю. Вот мишка говорит: «Попу пора собираться домой», – а сама все нажимает и нажимает.

И батюшка за послушание отправился в обратную дорогу. Пришел домой поздней ночью... А наутро в семь часов к нему приехал протоиерей Михаил по какому-то очень важному вопросу – он был секретарем и благочинным округа. Священники не имеют права куда-либо отлучаться со своего прихода без благословения благочинного, и в то время спрашивали за это очень строго. Если бы батюшки не оказалось на месте, у него могли бы случиться большие неприятности. Он был очень благодарен матушке Михаиле за то, что она проводила его домой...

Таким образом, смирение и послушание были добродетелями, которые отец Серафим, имея сам, старался привить и своим духовным чадам – касалось ли это поведения, одежды или пищи. Рыба появлялась на столе только по праздникам, в простые же дни питались скромно – картошка, помидоры, огурцы, изредка хлеб и чай. Да и тот заваривали чаще всего из трав. Во всем была скромность и строгость.

Схиигумен Митрофан и схимонахиня Михаила

Без благословения иные боялись даже воды попить, не то чтоб самочинно чаю заварить и напиться! Но великая благодать, носителем которой был батюшка, покрывала все: «А мы не замечали, что у нас на столе», – вспоминали келейницы...

(Продолжение следует)

С признанием и любовию

Игумения Таисия Леушинская

Игумения Таисия Леушинская

Среди тех, кто во множестве притекал к святым и цельбоносным мощам угодника Божия Тихона, чудотворца Задонского, почивающим в Задонском монастыре было немало и тех, кто в жизни своей земной, озаренной светом учения Христова, сподобился снискать многие плоды благодатные.

В числе таковых встречаем мы и имя настоятельницы Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного женского монастыря игумении Таисии. Со слезами умиления вознесшая молитву святителю Тихону при гробе его, она, по возвращении в святую свою обитель, отразила впечатления о пребывании в Задонске в стихотворении, которое мы и предлагаем читателям «Задонского Паломника».

Матушка Таисия, в миру Мария Васильевна Солопова, была дворянкой по происхождению, вымоленной у Бога бездетной ее матерью. Она получила блестящее образование, окончив в 1860 году курс обучения в Павловском институте благородных девиц в Санкт-Петербурге (на ул. Знаменской). Здесь обнаружились ее незаурядные способности и духовное призвание. На выпускном экзамене по Закону Божию ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии преосвященный епископ Иоанникий был весьма удивлен тем, что выпускница Института знала наизусть все Евангелие. На его изумленный вопрос девица Мария Солопова ответила: «Каждое слово Евангелия так приятно и отрадно для души, что мне хотелось его всегда иметь при себе, а так как с книгой не всегда удобно быть, то я вздумала заучить все, тогда всегда оно будет при мне в моей памяти». В годы учебы произошло событие, которое изменило всю жизнь Марии Солоповой. В чудесном сне отроковица увидела Христа Спасителя с сонмом святых, Который благословил ее, коснувшись десницей главы. Это видение она восприняла как призвание к служению Господу и благословение на монашеский путь.

И в 1861 году Мария поступила по благословению старца Лаврентия в Тихвинский Введенский монастырь. 10 мая 1879 года уже в Знаменском Званском монастыре (в 70 верстах от Новгорода) она была пострижена в мантию с наречением имени Таисия. Пребывала здесь в должности казначеи. И служение ее было столь успешно, что в 1881 году назначена была настоятельницей Леушинской общины, под мудрым ее руководством преобразованной спустя 4 года в монастырь, где спасалось до 700 сестер.

С начала 1890-х гг. Игумения Таисия во всех трудах руководствовалась советами и благословениями св. прав. Иоанна Кронштадтского, с которым была знакома 35 лет. Среди тысяч и тысяч духовных чад св. Иоанна матушка Таисия считается самой близкой ему по духу и самой верной его духовной дочерью. Святой Иоанн Кронштадтский высоко ценил духовные стихи матушки Таисии, считая ее талант данным от Бога. На одно из стихотворений, посланных к Рождеству Христову в 1898 г., св. Иоанн отозвался: «Прекрасные стихи Пресвятой Матери Деве! Да, Матушка! Пять талантов дал тебе Господь, и сторицею ты их возрашаешь».

Вся жизнь игумении Таисии была «неусыпающей похвалой Христу Спасителю и Его Пречистой Матери». После многих подвижнических трудов игумения Таисия преставилась 2 (15 н.ст.) января 1915 г. в Леушинском монастыре, где и была погребена в воздвигнутом ею величественном соборе Похвалы Божией Матери.

В советское время Леушино попало в зону затопления Рыбинского водохранилища. Могила матушки Таисии, пользовавшаяся народным почитанием и посещавшаяся многими паломниками, ныне пребывает под водами рукотворного моря, которое для всех почитателей ее памяти является святым хранилищем честных останков великой игумении до всеобщего воскресения.

ПЕРЕД МОЩАМИ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО

Я видела его в его мощах нетленных;
Я ощущала дух, которым он дышал:
Дух кротости, любви, дух простоты смиренной,
Дух мудрости святой, которым созерцал
Он мощную десницу Небесного Отца
И в твари познавал величие Творца.
Пред ракою его ему я так молилась:
«Угодниче Христов! к тебе издалека
Я любящей душой давно, давно стремилась,
И вот я пред тобой — благослови меня!
Я с родины твоей — с пределов Новограда,
Где ты с родной семьей своей когда-то жил,
Где иноком ты стал, отцем Христова стада,
Где жезл святительства Господь тебе вручил!
Почто ж оставил нас ты, наш родной Святитель,
И в области иной благоволил почить!?
О, нет! ты всюду наш, наш присный покровитель,
Ты духом с нами весь и вечно будешь жить!
И я, святитель наш, к тебе днесь прибегаю
Повергнуть пред тобой души моей недуг.
Владыка мой святый! тебя я умоляю,
Ты вразуми меня, скажи мне правый путь!
Как ты, владыка наш, я міра не познала,
От юности взялась за иноческий крест,
И вот его несу, но не под силу стало
С тех пор, как мне вручен начальства тяжкий жезл.
Изведал ты и сам — сколь тяжек сан начальства!
Под бременем его ты часто воздыхал!
А что же делать нам средь времени коварства,
Ведь меркнет дух любви, едва лишь виден стал!
И суетностью дел душа моя томится;
Хотелось бы вздохнуть свободней в тишине,
Хотелось бы от всех, от всех сует укрыться
И Богу одному служить наедине!..
Но не дерзаю я последовать хотенью
И воле лишь своей; о, нет — не попусти!
Владыка мой, отец! скажи мне путь к спасенью
И верною стезей до Неба доведи!»
«Зачем колеблешься напрасным ты сомненьем?
Тебе ли, бедная, путь жизни выбирать?!
Тебе указан путь, — иди же им с терпеньем,
Иди, пока дойдешь! Не озирайся вспять!
"Да любите друг друга, — вот заповедь Моя", —
Ученикам вещал Спаситель пред страданьем:
"Да любите друг друга, как возлюбил вас Я,
И примете за то вы в Небе воздаянье!"
Вот путь, путь верный твой; вот заповедь спасенья.
Ее храни душой, исполненной смиренья;
Всех милуй, всех прощай как братьев... Всех люби...
И ближних тяготы с терпением неси!»..
Вот сердцу моему какое завещанье
Изрек святитель наш и путь мне указал.
Не мудрствуй же, душа! и отчее преданье
Храни, как жизни свет, как веры идеал!..

СЕЛО КОРОЦКОЕ, РОДИНА СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА

Валдайского уезда Новгородской губернии

Куда ты, странник одинокий,
Спешишь так рано на заре?
На край ли севера далекий,
Иль в Киев-град? Скажи-ка мне!

«В пределах древнего Новграда,
Там, за грядой Валдайских гор,
Есть сердцу странника отрада,
Есть мысли набожной простор:

Там есть селение простое,
Жилище скромное крестьян;
А в нем сокровище святое —
Стоит древнейший Божий храм.

В селеньи бедном том родился
Избранник Божий Тимофей;
В нем вырос, грамоте учился,
Делил нужду с семьей своей.

В убогой хижине безвестной,
Среди лишений и скорбей,
От колыбели путь свой тесный
Здесь начал отрок Тимофей.

В том храме первая молитва
Из сердца детского лилась;
И в нем таинственная искра
Любви Божественной зажглась.

И благодать на нем почила:
Господь Себе его избрал,
И в нем великое светило
Своей Он Церкви намечал.

Тот храм красуется поныне,
Он — светоч Короцка села...
О, как безценна та святыня!
Как сердцу Русского близка!

Там дух святителя витает,
Дух мира, кротости, любви;
Там все о нем напоминает
Средь мирной сельской тишины...

Там досточестно почивает
И прах родителей его,
Где всяк колена преклоняет
И "память вечную" поет.

Туда, мой друг, я поспешаю,
Туда стремлюсь я всей душой,
Под сенью той давно желаю
Склониться бедною главой!

Товарищ, поспеши со мною!
Пойдем молиться в церкви той,
Где Тихон, детскою душою,
Молился о стране родной»...

Глухие и немые

Однажды подошел к Господу один человек и, преклоняя пред Ним колена, сказал: *«Господи! помилуй сына моего; он в новолунии беснуется и тяжко страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду; я приводил его к ученикам Твоим, и они не могли исцелить его»*. Иисус же, отвечая, сказал: *«О, род неверный и развращенный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас? приведите его ко Мне сюда»*. И запретил ему Иисус, и бес вышел из него; и отрок исцелился в тот час.

Исцелен был глухонемой, и Господь, изгнав из него злого духа, отверз уста его и даровал ему слух и способность говорить.

Братия христиане! Тяжелое состояние быть глухонемым, не слышать человеческаго голоса и не иметь возможности поддерживать разговор. Такое испытание, посылаемое Господом Богом некоторым людям, кажется нам тяжким наказанием. Но не все одинаково смотрят на это. Некоторые угодники Божии нарочно закрывали уста свои, да не возглаголют дел человеческих. Эта глухота и немота святая и блаженная.

В Лукьянову пустынь, около Переяславля, к старцу Павлу пришел однажды мальчик Конон, малый ростом, худенький, слабенький. Служит он старцу, ходит за ним и слушает его наставления. А наставления старца очень просты. Почти всегда одно и то же:

– Помни: лучше всего – говорить меньше. Слово – серебро. Молчание – золото. Только в молчании познается Господь. Будь как глухой и немой. Обижают тебя, не слышь. Не замечай, как мертвец. Хочется ответить на упреки, свяжи уста.

Слушает отрок Конон и слагает слова старца в сердце своем.

Умер старец Павел, и вот вскоре после этого в Борисоглебский Переяславский монастырь постучался юноша-мальчик.

Он знаками объяснил, что хочет поступить в обитель.

– Глухонемой, – решили иноки.

Конона долго не принимали в обитель; гнали – он не уходил и принялся, не говоря ни слова, за какую-то работу.

Преподобный Корнилий Переяславский

Наконец, его приняли. И юноша начал свой подвиг.

Известно, что у нас мало жалости к людям, обиженным судьбой. Конон был нем, казался глупеньким и, конечно, над ним глумились, смеялись. Он только улыбался ласково, точно радовался. Его толкали, били – он улыбался.

– Глупенький, юродивый, – решили все.

Постригли Конона, назвали Корнилием, и тридцать лет подвизался инок, не говоря ни слова. И все удивлялись только тому, что инок плакал во время чтения Евангелия и поучений.

– Верно, душа-то его слышит, – говорили иноки. И вот подошло время Корнилию умирать, и узнали все тайну глухоты и немоты святого Корнилия. Узнали, что не слышал он только обидное, горькое, злое. Узнали, что трудно было ему вначале не слышать, но он помнил заветы старца Павла и побеждал чувство обиды, а потом и в самом деле перестал слышать все пустое и праздное, слышал только Слово Божие. Иначе сказать – Слово Божие, святые мысли и чувства так переполнили его ум, что он не слышал кругом себя праздного шума, прислушиваясь только к голосам Божиим, говорившим в нем, в его душе и вне, со святого амвона.

Вот – глухота святая, соединенная со святой немотой!

А вот другой пример. Один старец, начиная уроки новоначальному, ведет его ночью на кладбище и заставляет его ругать мертвых.

Прошла ночь.

– Что ответили тебе мертвецы? – спрашивает старец.

– Ничего.., – ответил юноша.

– Иди и сегодня на кладбище и делай, как вчера, – сказал старец и утром повторил свой вопрос:

– Что сказали мертвецы?

– Ничего.

– Будь же и ты, как они, мертвец, и если тебя ругают и даже бьют, не слышь.

Это, очевидно, та же глухота святого Корнилия. Многие смеются над этим рассказом:

– Что за проповедь, – говорят они, – проповедь мертвая. Разве достойно живого человека стать «камнем»?

Нет, это не проповедь «окаменения», а проповедь любви, жизни в Боге. Тот, кто захочет любить ближнего, обязательно станет глух на обиды. Любя, он все прощает и значит не слышит, к сердцу не принимает.

В то же время кто захочет жить с Богом, в мыслях о Боге и святом, тот, конечно, не будет слышать шума мира.

Если бы мы больше занимали ум святым и великим, мы, конечно, не слышали бы праздных и ненужных речей, не слышали того, что грязнит, пакостит слух и душу. Не слышали бы шума житейской ярмарки. И это была бы «святая глухота», она помогла бы зреть в молчании.

Жизнь шумна. Недаром даже колоколов церковных мы часто не слышим, – их заглушает шум жизненной ярмарки.

Мешает этот шум и прислушаться к голосам совести, к стуку в наше сердце Господа. Который

стоит у двери нашего сердца и стучит, ожидая, когда мы отворим Ему (Откр. 3, 20).

Чтобы быть чутким на святые голоса, нужно оглохнуть на житейский шум, как преподобный Корнилий.

Уметь, хоть иногда, хоть в праздники святые оглохнуть на шум суеты и прислушаться к заглушенному голосу Божию.

Господи, пошли нам эту глухоту и вместе с тем избави от той, о которой говорил Господь, обличая людей, *«имеющих уши и не слышащих»* (Мф. 13, 13–14).

Избавь от мертвенной безчувственности к зовам Божиим, звучащих и в колоколе церковном, и в страданиях, посылаемых нам Господом, и в тоске душевной, которая мучит нас временами, напоминая о том, что *«неправы пути наши»*, и в воплях наших ближних, взывающих к нашей помощи.

Эта глухота от *«беса глухого и немого»*. А исцеление от нее – в молитве и посте (Мф. 17, 21), ибо *сей род*, т. е. род злых духов, ничем не может быть изгнан, только молитвою и постом (Мк. 9, 29). А посему молитесь и поститесь, братья и сестры, да не внидете в напасть бесовского обстояния и обдержания. Молитесь и поститесь, пока время особенно к тому благоприятно, да не внидете в напасть со стороны духов злобы, заграждая уста свои, да не возглаголят дел человеческих.

Господи! *Положи хранение устом моим и дверь ограждения о устнах моих!*

Учимся вместе с детьми

Как начиналась Библия

беседа 10

Дорогие ребята!

Мы с вами уже говорили о том, что самая добрая, мудрая, прекрасная и нужная всем нам книга – это Библия. Ее автор – любящий нас триединый Бог. Но написал Он Библию не Своей рукой, а через святых людей – пророков и апостолов. Кто же это такие? Пророки – это святые люди, которым Сам Бог открывал, что нужно говорить и что нужно писать для нашей пользы. Первым пророком, который начал писать Библию, был святой Боговидец Моисей. Он жил 3300 лет назад, в XIII веке до Рождества Христова, и был вождем еврейского народа.

В то далекое время почти все народы забыли о Боге и поклонялись идолам, природным стихиям и даже злым духам – падшим ангелам. И только еврейский народ хранил веру в истинного Бога, создавшего небо и землю, и все существующее. Бог помогал этому народу не погибнуть и сохранить истинную веру, чтобы потом и другие народы научились у евреев любить Бога и слушаться Его. Когда все евреи с Моисеем во главе поспешно уходили из Египта, спасаясь от его жителей, у которых долго были в рабстве, египтяне бросились в погоню с оружием на страшных колесницах. Евреи стояли на берегу Красного моря, Моисей горячо просил Бога о помощи, и когда он по повелению Божиему направил свой посох на море, море раздвинулось перед беззащитным народом. И беглецы-евреи прошли по дну моря на другой берег, вода же стояла стеной справа и слева от них, создав для людей удобный коридор. Египтяне поскакали за ними вдогонку по водному коридору, но вода обрушилась на них посреди моря, и они погибли в морской пучине.

А потом евреи шли по пустыне, и у них закончилась еда. Утром проснулись и видят – вместе с росой на земле видимо-невидимо беленьких, маленьких шариков-крупиночек, словно мелкий град выпал. На вкус они – как лепешки с медом, вкусные-превкусные. Сначала евреи не поняли, что это такое и спрашивали друг у друга на своем языке: «ман-гу? ман-гу?» («что это? что это?»). Поэтому этот небесный хлеб стал называться «манна», «манна небесная». И стал Господь посылать им с неба манну каждое утро и сорок лет их кормил, пока они странствовали по пустыне. А когда в одном месте совсем не было воды, Бог повелел Моисею ударить посохом по скале, и из мертвого камня забил родник чудесной воды. Как она была вкусна для измученных жаждой путников! Так всем народом они и шли по пустыне, а с ними – Бог. Днем Бог шел впереди в одежде облачной, а ночью – в одежде огненной, а Самого Бога было не видно и казалось, что впереди идет то башня из облаков, то башня из огня.

Однажды Бог повелел всему народу (а было больше миллиона человек) остановиться у горы Синай в Аравии. Они остановились, поставили свои палатки. Но на самую вершину горы Господь разрешил зайти только великому пророку Моисею. Там Господь Бог явился своему избраннику, говорил с ним и многое ему открыл. Моисей узнал от Господа о том, как Он со-

здал мир за шесть дней, как жили первые люди – Адам и Ева, как они согрешили и были изгнаны из Рая. Бог поведал Моисею о жизни Ноя, спасшегося в ковчеге с семьей и многими животными, когда все остальное человечество погибло в водах всемирного потопа. Великому вождю евреев стало известно о строительстве Вавилонской башни, и о том, как после этого человеческий род по воле Божией разделился на многие народы. С восхищением слушал Моисей о добрых делах Авраама, у которого в гостях была Сама Святая Троица под видом трех Ангелов. Оказывается, Авраам так сильно верил в Бога, что готов был даже любимого сына принести Ему в жертву, когда Бог повелел ему это сделать. Но Господь не хотел этого, Он только проверил преданность Авраама и сразу отменил суровое приказание. За полное доверие Богу Авраам был награжден многочисленным потомством, у него было 12 правнуков, от которых произошли 12 племен (частей) великого еврейского народа. Все евреи и сам Моисей были потомками Авраама, поэтому Господь особенно их любил и заботился о них. Как радостно было слышать это вождю евреев от Самого Господа. Но грустно и страшно было пророку, когда Бог рассказывал ему о гибели городов, жители которых были самыми злыми и испорченными людьми на земле. А еще наш Небесный Отец научил Моисея, как построить первую церковь Божию. Этот храм можно было разбирать и переносить с места на место, ведь евреи путешествовали в землю Обетованную, то есть в землю богатую и прекрасную, которую обещал дать им Господь. Бог Сам написал на двух каменных дощечках (скрижалях) десять заповедей, то есть десять главных добрых правил, которые должны исполнять мы все, чтобы быть хорошими, родными для Бога, людьми. Эти каменные таблички великий вождь получил от Господа, чтобы научить заповедям свой народ. И главное, Творец мира открыл своему верному слуге Моисею великую тайну: наступит время, когда на земле родится Спаситель, Богочеловек, Который пострадает за людей, победит диавола и спасет всех нас от грехов наших, от ада и смерти. Конечно, дорогие ребята, речь идет о Господе нашем Иисусе Христе.

Все это и многое другое, чему научил его Бог, Моисей записал на длинных полосах папируса. Папирус был в древности вместо бумаги, он делался из стеблей тростника. Очень много тростника росло на мелководье в дельте реки Нил в Египте. И когда евреи, находясь в рабстве у египтян, жили там, то научились делать папирус. Длинные стволы тростника не круглые, а треугольные и имеют толщину с человеческую руку. Их разрезали на более короткие куски, получались как бы небольшие треугольные «бревнышки». Такие бревнышки расщепляли вдоль и сердцевину разрезали на тонкие полосочки. Затем одни полосочки клали на плоской поверхности вплотную друг к другу, а другие клали сверху, но уже поперек первых и прессовали. Получался материал, который назывался папирусом. На нем было удобно писать острой тросточкой и чернилами. Куски папируса склеивались в длинные полосы. Они имели обыкновенно около десяти метров в длину и около тридцати сантиметров в ширину и наматывались на деревянную палочку. Такие рулончики назывались свитками. Свитки делали не только из папируса, но и из пергамента – это были длинные полосы из обработанной кожи овец, коз, антилоп или крупного рогатого скота.

В древнем мире все книги имели форму свитков-рулончиков, а таких книг, как сейчас, со страницами и обложкой, не было.

Когда Моисей записал все, что повелел ему Господь, у него получилось пять свитков-рулончиков, то есть пять книжечек. Слова этих книг были внушены пророку нашим триединым Создателем – Отцом, и Сыном, и Святым Духом. Поэтому и называются эти книги священными. Пять небольших книг Моисея стали первыми частями величайшей книги – Библии, которая называется также Священным Писанием.

ИЕРОДИАКОН ГАВРИИЛ (МЕЛЬНИКОВ)

ТРОИЦЫН ДЕНЬ

Вот монастырь в Задонске.
Звонят колокола в троицын день.
Малыш в манюней горстке
Несет цветок под храмовую сень.

Быть может, этот маленький цветок
Был главным украшеньем храма
Для Господа. Малыш и лепесток
Нам радость принесли из лона Авраама...

А в храме свежестью дохнёт,
Травой — земли благословеньем,
Как будто получаешь мёд
Любви Господней в освященье!

А над ковром пахучих трав
Березы высятся под купол,
Из райских к нам пришли дубрав,
Не здешним миро нас окутав.

А сквозь листву иконы свет
Свой лучезарный тонко ткали,
И в тех лучах менялся цвет
Листвы, где Ангелы стояли...

И это все благоуханье
На наших лицах отражалось —
И службы чин и пенья званье,
И к не пришедшим в храм наш — жалость...

И наш малыш, вкусив Причастье,
С улыбкой ангельскою спит
В объятьях мамы — это счастье,
Что к нам Господь благоволит!

посл. Иулия Иваницкая

Кнут

Дед сидел на низенькой скамеечке и отбивал косу.

– Дедушка, смотри, какой я кнут нашел. Дед поднял очки на лоб.

– Ишь ты – ременный! И никак в шесть концов сплетенный.

Я взмахнул кнутовищем и звучно щелкнул.

– Ловко... И где же ты его нашел?

– А на дороге.

– И ты не знаешь, чей это кнут?

Я как можно натуральнее пожал плечами. Хотя я, конечно, знал, чей это кнут. Деда Егора! Он как раз вчера ездил на станцию и, видимо, обронил его, под хмельком возвращаясь вечером. Я слышал, как он пел про «златые горы и реки, полные вина», когда проезжал мимо нашего дома.

Дед вздохнул:

– День только начался, а ты уже дважды согрешил: кнут чужой взял и мне соврал.

И снова принялся отбивать косу. Закончив, позвал меня:

– Эй, Вовк, я вот все думаю, где же ты будешь кнутом этим щелкать. На улице нельзя. Вдруг Егор увидит иль ребята. И скажут ему. В саду разве что? Но там не размахнешься – простора нет. Вот и получается – спрятать его надо.

Вечером, за самоваром, дед опять заговорил о кнуте.

– Ну, ты надумал, где прятать-то его будешь? В сарае или в риге? А может, в кровати своей? Под подушкой оно вроде надежней всего...

Я покраснел. Я как раз раздумывал именно над этим – где спрятать кнут. А дед продолжал, неторопливо прихлебывая из блюдца:

– Взять чужую вещь – дело нехитрое. Тут ума много не надо, а вот спрятать ее так, чтобы хозяин не увидел – тут надобно крепко покумекать. Но ты же у нас головастый. Мать говорит – на одни пятерки учишься...

Красный и потный – не от чая горячего, а от дедовских насмешливых глаз – я медленно слез с лавки, вышел из горницы, в сенцах взял кнут и вышел за огороды.

Щелкнул там напоследок, причем без всякого удовольствия, и побрел заогородной тропкой к дому деда Егора. А потом вдруг побежал: так мне захотелось поскорее избавиться от этого злополучного кнута.

В. М. Волков.
Из книги «ЗЕРНЫШКИ»

Просьба не использовать альманах в хозяйственных целях

Просим имеющих возможность оказать благотворительную финансовую помощь на издание альманаха «Задонский паломник». Деньги высылать на адрес монастыря с пометкой: «На издание "Задонского паломника"».

Желающим можем высылать альманах «Задонский паломник» по почте. Для этого просим присылать свои заявки на адрес монастыря с пометкой: «Для "Задонского паломника"».

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14,
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55
выходит с 2000 г. *Тираж 990 экз.*

Брат, догнав на дороге матушку, стал перед нею на колени и сказал: "Куда вы ведете брата?! Ведь ямщику отдадите, то ямщиком он и будет; я лучше с сумою по миру пойду, а брата не отдам ямщику. Постараемся обучить его грамоте, то он, может, к какой церкви в дьячки или пономари определится".

Из записок Василия Чеботарева